

ВЛАДИМИР ГУСЬКОВ

Заговор Кентервиллей

КНИГА ПЕРВАЯ

Владимир Гуськов

**Заговор Кентервиллей.
книга первая**

«Издательские решения»

Гуськов В. С.

Заговор Кентервиллей. книга первая / В. С. Гуськов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747730-1

Гарри на распутье. Что ждет его в магическом мире? Чем заняться и где найти себе место? И себя?.. Горечь последних событий тяготит его силы, и ею пропитано все его близкое окружение. Именно в этот момент происходит нечто! Новый толчок к жизни. Но действительно ли это так? Спасение или проклятие? Волей судьбы Гарри снова оказывается в школе Хогвартс, где встречает новых друзей, посещает уроки на 7 курсе и пытается найти волшебный Артефакт, необходимый для того, чтобы вернуть близких ему людей.

ISBN 978-5-44-747730-1

© Гуськов В. С.
© Издательские решения

Содержание

Возвращение в «Нору» и домовый эльф в доме семейства Уизли	6
Воскрешающий камень	15
Новый день рождения и тайные гости	29
Возвращение Гермионы и Легенда о спасительной Кентле	39
Заговорщики или новый план действия	44
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Заговор Кентервиллей
книга первая
Владимир Сергеевич Гуськов

© Владимир Сергеевич Гуськов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Возвращение в «Нору» и домовый эльф в доме семейства Уизли

Гарри лежал в своей постели, укрывшись одеялом. Глаза его были открыты. Рядом на соседней кровати негромко посапывал Рон – его лучший друг. И теперь, когда всё уже было позади, когда, наконец, уже был уничтожен тёмный лорд Волан де Морт, Гарри не мог заснуть. Гарри мечтал после всех скитаний, лишений и борьбы с тёмными магами оказаться снова в доме семейства Уизли, в доме, ставшим для него тем самым родным, в котором он всегда мечтал быть желанным и вернуться после всех испытаний. Хогвартс тоже был Гарри родным, дал Гарри кров, друзей, и многое другое. Но «Нора» – так назывался дом семейства Уизли, был ближе к сердцу и роднее еще с самого первого знакомства с ним. Гарри с силой зажмурил глаза и открыл их снова. Из глаз помимо воли текли слёзы. Он плакал. Это были не слёзы радости. Тогда ему и не приходила мысль радоваться и ликовать. Он думал о своих друзьях, которые покинули этот мир, которые воссоединились с самыми дорогими людьми на свете: с его мамой и папой, с крёстным отцом Сириусом... и о многих других, чья память стоила этого.

События последних недель прошли у Гарри как в тумане и теперь казались такими далёкими и нереальными, как если б это был дурной сон или давно забытое детство. Самым тяжёлым – были горе и слёзы семьи Уизли по погибшему Фреду.

Огромное количество писем для Гарри приносили совы со всех уголков страны. В них были и поздравления его с победой над темным и наисильнейшим магом Волан де Мортом, и пожелания долгих счастливых лет жизни, и душевные излияния, в которых рассказывалось о восхищении и преданности Гарри. Было в них и о том, что знали, а кое-кто надеялся, что Гарри избранный и одержит верх над тем, «кого нельзя называть». Было два или три письма из министерства магии. В них довольно сдержанным тоном новый министр магии Тимиус Рокфельд извинялся за преследование Гарри и его друзей весь прошедший год, говорил об ошибочной политике своего предшественника, о том, что Гарри Поттер теперь не являлся нежелательным лицом номер один. Прилетело множество сов от семей волшебников, они приглашали Гарри погостить у себя, были приглашения и на городские торжества, которые посвящались его победе над Волан де Мортом. Во всех городах, в крупных мегаполисах и маленьких сёлах, которых нет на географических картах маглов – так называли не способных к волшебству обычных и беспомощных людей маги, люди выходили на улицу, в домах открывали окна и двери. Со всех сторон доносились песни, кричали лозунги о смерти «того кого нельзя называть» и о «мальчике, который выжил» снова. Гарри Поттер стал героем-спасителем полукровок и героем всего волшебного мира.

Броские заголовки газет неустанно говорили об этом. В «ежедневном пророке» описывалась политика нового кабинета министра. Преследование нечистокровных волшебников было прекращено. Все заточённые полукровки, при прежнем кабинете министра, выпущены на свободу. Дементрам запретили выходить за территорию Азкабана, тюрьмы для волшебников, без особого распоряжения министерства магии. Это все случилось именно благодаря ему – Гарри Поттеру!

«Гарри Поттер – амнистирован»! Ему не предъявляется никаких обвинений, и он не подлежит преследованию со стороны министерства. Из заголовков статей и от мистера Уизли Гарри узнавал новости ещё не успевшие попасть в газеты или скрываемые министерством от огласки. Состоялся суд над пожирателями смерти. Половина министерства магии было отправлено в отставку.

«Амнистии незаконно осужденных полукровок, магов и их семей. Дементрам пришлось, к своему неудовольствию, подчиниться министерству и вернуться в Азкабан»! Правда, то

тут, то там, в газетах, появлялись упоминания о редких их появлениях в отдаленных уголках страны.

Но всеобщее торжество волшебного мира не тронуло Гарри. Он стал всё чаще замыкаться в себе, не мог спать по ночам и подолгу просто лежал в своей кровати, глядя в потолок.

«Волан де Морт»! Он отнял у него родителей, счастливое детство, принёс множество несчастий близким ему, Гарри, людям. А сколько бессмысленных смертей. Гарри чувствовал себя виновным. Виновным отчасти и в смерти Фреда, Люпина и Тонкс, а ведь у них остался полугодовалый сын. А если б не было Волан де Морта? Если бы он смог убить его на первом году своего обучения в Хогвартсе, когда профессор Кривил был единственным приспешником «тёмного лорда»? И если бы ни кристражи – предметы, в которые с помощью тёмной магии Волан де Морт вложил части своей души, благодаря которым Волан де Морт и вернулся? Всё бы закончилось уже тогда!

Почему с ним – с Гарри, так распорядилась судьба? Почему отняла у него родителей, дала самого злостного и могущественного врага в волшебном мире? Смерть рука о руку сопровождала его с самого рождения. Пророчество, которое обрекло его на извечную борьбу с Волан де Мортом, зачем оно было сделано? Смерть или судьба виновники его чести? Именно смерть дала свои «три дара» в мир смертных и судьба преподнесла их в руки Гарри. И как после всего этого ему не быть избранным? Неужели пророчество, сделанное много лет назад, когда Гарри только родился на свет, уже предрекло его на страдания? И почему смерть, забрав его семью, забрала и близких ему друзей? К чему такая большая цена? Разве Гарри не заплатил ей сполна? Ведь она и без того забрала у него всё в раннем детстве. Значит уже тогда, судьба распорядилась с ним так. А слово избранный, что оно значит для других? Другим никогда не понять этого. Никогда. Почему потомки трёх родных братьев Певерелов так разошлись в своих путях? Малфои, Поттеры и Волан де Морт! Потомки одной волшебной семьи, уважаемого древнего рода, получившие от самой «смерти» магические дары, оказались по разные стороны в войне. Три брата Перевелы дали таких непохожих потомков. Верно утверждение Гермiony, что без магловской крови в мире волшебников было бы сплошное кровосмешение. В настоящее время, каждые родовитые волшебные семьи кровно связаны между собой. Стоит вспомнить крёстного отца Гарри – Сириуса Блэка и его убийцу – Беатрису Лейтрейндж. И снова Гарри, непроизвольно, вспомнил профессора Дамблдора. Отношение Гарри сейчас к своему профессору и наставнику было другим, чем год или ещё полгода назад. Он и Гарри – абсолютно не похожие друг на друга люди. У них не было ничего общего. Именно поэтому и по недомолвкам, которые возникли между Гарри с Дамблдором, Гарри чувствовал, что профессор его использовал. Дамблдор был его опекуном. Дамблдор отдал его на воспитание к Дурслям. Именно потому, что так было удобно Дамблдору. Потому, что он, Гарри Поттер, должен был исчезнуть на какое-то время из мира волшебников. Знал ли профессор Дамблдор, что Гарри, сын Лили Эвантс и Джеймса Поттера наследник рода Певерелов? Конечно же, да. Ведь профессор Дамблдор брал «мантию-невидимку» отца. Значит, профессор подозревал, а возможно, и знал, что эта самая мантия есть «третий дар» смерти. Ведь сам профессор мог становиться невидимым и без помощи какой-нибудь мантии. Он мог накладывать дезолюминационные чары такой силы, что никакая мантия не обеспечит лучший результат. Эти все факты роились в мыслях Гарри.

Профессор никогда не говорил, что знал родителей Гарри, что их семьи жили в Годриковой впадине – в маленьком городе волшебников. Дамблдор никогда не давал Гарри почувствовать его с собой как с близким или родственным человеком. Никогда не говорил больше того, чем нужно было самому профессору. Да, совершено точно, Дамблдор использовал Гарри. И, от этого осознания действительности, настроение Гарри не улучшилось. Его друзья – вот что действительно было светлым в его жизни. И его... любовь. Самое светлое и сильное чувство на свете. Чувство, которое дало ему, Гарри, силы победить самого Волан де Морта. Одержатъ верх и в эмоциональном и в физическом противостоянии.

Именно она! Джинни – самое светлое событие в жизни Гарри, смогла вернуть его к жизни. Напоминала, что есть вещи, ради которых стоит жить. И Гарри откликнулся на её чувства и с радостью проводил с ней тихие вечера в «Норе».

В первый свой вечер, после похорон Фреда, Гарри чувствовал себя особо гадко, и просто сбежал из «Норы» в дом 12 на улице Гриммо, в дом, который передал ему его крёстный отец Сириус два года назад. Там он просидел до поздней ночи в кресле у камина и, ни смотря на уговоры Кикимера, не собирался отправляться спать. А куда ему было ещё идти? Это единственное место где можно укрыться Гарри. Дом номер 12 был заточением Сириуса. Был ненавистен его кремтным отцом, а теперь Гарри оказался на месте крестного. Только не ненависть к дому наполняли душу Гарри, а сожаление от воспоминаний, проведённых в нём.

А Годрикова впадина? Место, о котором он узнал менее года назад. То путешествие оказалось таким эмоциональным. Дом родителей Гарри, дом семьи Дамблдоров, Батильды Бекшот, могилы его отца и матери... Памятник в дань уважения памяти Поттерам, когда 17 лет назад Волан де Морт был повержен в первый раз такой большой ценой – ценой их жизней. Годрикову впадину Гарри не считал своим домом и местом, где хотел бы жить. По крайней мере, сейчас, туда он ни за что не вернётся! А здесь он всё же не один: Кикимер так обрадовался появлению своего хозяина, что не смог скрыть слёз радости и обнял Гарри за ноги. Выше он просто не доставал. Но Гарри чувствовал себя очень одиноким и отделённым от всего остального волшебного мира и мира маглов.

Когда старинные часы пробили полночь, огонь в камине зашипел, взвелся вверх магическим пламенем и озарил всю комнату зелёными бликами. От неожиданности Гарри остолбенел, но тут же, выхватил свою волшебную палочку, скорее по привычке, чем от испуга или понимания приближающей опасности. Гарри был уверен, что теперь после победы над лордом Волан де Мортам ему ничто не может угрожать. Но держать волшебную палочку на изготовке стало уже скорее рефлексом, чем привычкой. Гарри привстал в своём кресле и опустил палочку. Из камина медленно выходил Рон Уизли. Чихнув, от поднятой в воздух золы, он тут же встал как вкопанный, изумлённо уставившись на Гарри.

– Гарри?! – не уверенно сказал он, будто и не ожидал его здесь увидеть. – А-а. Это я, Рон! Все тебя обыскали! Куда ты пропал? – И, не дождавшись ответа, добавил:

– Мама с ума сходит, Джинни себе места не находит. Сначала мы думали, ты уединился наверху... Ну, всё это... А-а, и-и. Все расстроились, но когда ты не вышел к ужину, мама очень испугалась. Да и Гермиона с Джинни тоже.

Гарри потупив взгляд в пол, рассеяно слушал Рона и с каждым его словом понимал, что, не осознавая того, причинил близким ему людям волнения, и даже возможно боль. Он вспомнил Джинни. Как он, Гарри, мог уйти от неё, ничего не сказав? Конечно, она отличалась сильным характером и редко когда плакала, но сегодня, в день похорон Фреда... Ей требовалась его поддержка, а он просто напроосто бросил её...

Сквозь свои мысли, словно сквозь сон, Гарри почти не разбирал уже слов друга.

– ... тебя звали, искали в лесу неподалёку, пока Гермиона вдруг ни сказала, что ты мог пойти сюда...

– Прости меня, Рон. – Прошептал Гарри, поднимая на него слезящиеся глаза. – Я было решил...

Гарри не сказал того, что собирался. Не хотел предстать перед другом в таком плачевном виде. А его следующие слова точно бы сделали из Гарри именно это.

Рон смутился. Но Джинни, появившись за его спиной, кинулась к Гарри и обняла его.

– Ну... я ... – булькнул Рон. – Всё понимаю... Пожалуй, пойду скажу, что ты нашёлся... Что бы мама не волновалась...

Последние слова Рон скорее пробубнил себе под нос и исчез в пламени камина.

Короткий момент из жизни живого переживающего волшебника. Момент прошлого, все-таки свершившегося на радость избранному.

Перед тем как погрузиться в неясный сон, Гарри вспомнились его верные, погибшие друзья. Вспомнилась его белоснежная сова Букля – единственный друг в доме Дурслей, когда он жил в их доме на Тисовой улице. Она давала ему силы выдержать заточение в грубом и неприятственном магловском доме. Теперь её шуршание крыльев о прутья клетки больше не раздавались в темноте.

Вспомнился и профессор Снейп, к которому Гарри относился теперь по-другому, как к хорошему другу и с сожалением к прошлому... Гарри лежал и тихо плакал. Он не старался отогнать от себя эти тяжёлые воспоминания, наоборот, он хотел вернуться в них. Хотел пожертвовать собой, лишь бы не было их смертей. А Сириус, сколько ему выпало на его тяжкую долю? А родители Гарри?...

Поттер медленно погрузился в дрему и в наступившей тишине негромко раздавались удары по трубам. Это упырь, живущий на чердаке, возмущался недостаточному вниманию к своей персоне и напоминал о своём существовании. И к неосознанному облегчению Гарри, ему привиделся не тот тяжелый сон, дающий душевную боль, в котором Сириус и Дора говорят с ним. Где «грозный глаз» Грюм расхаживает со своей палкой-посохом в гостиной дома 12 по улице Гриммо и молчаливо подмигивает Гарри. И родовой дом Блэков теперь выглядел иначе: как смешение между «Норой» и домом Дурслей на Тисовой улице, в котором прошло детство Гарри. Сейчас – было другое...

Сон или явь? Гарри видел, чувствовал и слышал. Сейчас он жил в этом, и оно было прекрасно. Он снова в Хогвартсе! Снова идёт и крадется у каменных лестниц, а рядом его верный и самый лучший друг – Рон. Гарри улыбается. Да и Рон тоже выглядит довольным. Школьные коридоры погружены во мрак ночи. Алый огонь и потрескивание факелов остались далеко за дверью и за несколькими узкими коридорами, проходами и лестничными пролётами. Лунный свет падает впереди через высокое и узкое окно зала. Гарри посмотрел на Рона. Тот на него. Совсем как в старые добрые времена они выбрались в поздний и запретный час бродить по замку. Где-то ходит завхоз Филтч, страшный и злой, как и всегда, но ему не угнаться за «ночными странниками». У Гарри есть и «мантия-невидимка» и «карта морадёров». Гарри чуть обеспокоился: где эта самая карта? Рука скользнула в карман мантии. Там – её нет! Гарри почувствовал небольшое беспокойство и обернулся, прислушиваясь – нет ли позади шагов. Рон всё также спокоен и весел, хотя его лицо довольно трудно сейчас разглядеть, как и самого Гарри. Гарри узнал место по которому они шли. Да. Ни смотря на мрак и тени, это был коридор, ведущий к «часовой башне». Ещё несколько мгновений, и до Гарри донесётся стук часового механизма и тиканье. Они идут к воротам, ведущим к длинному, старому, поскрипывающему на ветру и от времени, деревянному мосту, через ущелья. А за ним – тропинка, спускающаяся к домику Хагрида! Ах, только бы сон длился подольше. Тогда Гарри увидит своего друга. Конечно же, и Хагрид будет рад Гарри и Рону, даже в такой запретный час. Ведь ему ни в первый раз принимать друзей в ночное время.

Гарри сделал ещё шаг. Затем ещё и ещё. Что-то тормозило его движение, но Рон уверенно ушёл вперёд и не заметил заминку друга. Гарри попытался сделать рывок, нагнать друга, но ноги как будто прилипали к каменному полу. Так сон?.. Гарри передёрнуло. Что это за странный, но знакомый звук? До слуха Гарри донеслось позвякивание и чужеродный гомон. Но Гарри не испугался этих звуков. Он замер и...

Гарри открыл глаза. Сон! Рон негромко и спокойно похрапывал в комнате. Через завешенное окно на штору падал бледный свет луны. Значит, уже миновала полночь, а луна вознеслась над садовыми деревьями и огородными грядками «Норы». «Нора» – самое любимое место Гарри. Тот самый дом, который дал приют Гарри после Хогвартса, но не менее, а может даже более, любимый Гарри. Потому что здесь был Рон и миссис Уизли, готовившая очень вкусные

завтраки и луковый суп. Мистер Уизли, помогающий и поддерживающий Гарри, не только как член «Ордена Феникса», но, как верный друг и опекун, которым когда-то был Дамблдор. Хотя профессор Дамблдор был чем-то другим. Его мысли и забота проявлялись по иному, да и сам он, как опекун Гарри, был другим человеком. Более загадочным и скрытым. А мистер Уизли был ближе и роднее, человечнее. Как будто и в нём текла родная кровь!

А что сон? Самый обычный и никчемный, но... Гарри пробудился неохотно ото сна. Пот выступил у него на лбу. А образ старого и верного замка Хогвартс врезался в его память, моментом возвысился в мыслях Гарри. Хотя сейчас, когда Гарри понял, что мысли, переживаемые им минутой назад были всего лишь сном, он не испытал радость или чувство облегчения. Так как, представший во сне замок, был желанен его сердцу, как и мерное похрапывание находившегося рядом верного друга Рона, как и милый, сердцу, дом семейства Уизли, по лестнице которого он неторопливо спуститься вниз к завтраку и увидит Джинни. Миссис Уизли потреплет его по взлохмаченным непослушным волосам и скажет доброе слово и приветствие. А Гарри не найдётся сразу, что ответить. Рядом будет Рон и Гермиона. Джинни и Джордж и мистер Уизли и... И... Гарри снова, незаметно для себя, погрузился в сон. Но, столь желанный его сердцу, Хогвартс так и не явился ему больше. И Гарри знал, падая в бесконечные и бескрайние лабиринты сна, что уж школа Хогвартс не ждёт его, и самому Гарри не предстоит когда-либо вновь появиться в ней. Каким сладким и коротким показался тот поход вместе с Роном по коридору, ведущим к большому маятнику часов в «часовой башне»! Гарри так и не услышал тиканье часов и щелканье маятника, в покрытой тенями лунного света башне. Да что там луна – равнодушное светило! Но свет его бледного ока бросал на стёкла окон и каменный пол, мертвенный и серый свет. Такой, как и бледное видение перед глазами Гарри. Но такое бледное и затуманенное, что... и Гарри пропал в очередном повороте своего видения. А всхрип Рона взорвался громким возгласом и потонул в сумраке ночи, разлитой в комнате, как будто его и не было вообще. Да и сознание Гарри уже было невозвратно далеко от этого места.

Снова резкое пробуждение. Отойдя от своего, затуманенного последними событиями, сознания, Гарри вспомнил дом на улице Гриммо. Насколько «Нора», дом семейства Уизли, был милее и уютнее. Здесь Гарри не чувствовал себя так одиноко и подавленно. С каждым днём Гарри потихоньку приходил в себя. Здесь всё было почти по-старому. Только чуть тише по утрам, чем в старое время, когда Фред и Джордж ещё жили в «Норе». Эта парочка постоянно что-нибудь вытворяла весёлое, не сидела без дела и проводила всевозможные эксперименты с чарами и зельями, изобретая различные приколы, для продажи в своем магазинчике. Этим ранним утром Гарри, лёжа в своей кровати в спальне Рона, снова обратился мыслями к дому Сириуса, но уже по другой причине. Это произошло само собой. Но на этот раз Гарри думал о Кикимере. Он сейчас один там. Наверное, разговаривает сам собой. Может, ждёт Гарри и вспоминает Гермиону, которая всегда была очень добра и снисходительна к нему. И как Гарри мог бросить домового эльфа там одного? Сейчас Гарри в ответе за него. Возможно, каждый день, к обеду, домовый эльф старательно готовит бифштексы в заливном соусе, так понравившиеся Гарри, и ждёт возвращения своего хозяина. И... Гарри очень захотел вызвать его к себе. Оставить его в «Норе». Тут Гарри за него будет спокоен. Да и Кикимер не будет скучать без дела или слушать упрёки старого портрета матери Сириуса. В нехватке общества Кикимер точно не будет нуждаться! Но разрешат ли Кикимеру остаться здесь, как разрешили Гарри? Конечно, да! Хотя... Гарри задумался. По-любому, Гарри надо сначала спросить разрешения у миссис Уизли, объяснить ей, что Кикимер сейчас находится абсолютно один. А она, конечно, сможет проникнуться горечью Гарри о брошенном эльфе, пусть и не таком приветливым, как того хотел бы и сам Гарри...

Весь этот день Гарри думал о своем домовом эльфе. Он рассказал что думает по его поводу сначала Джинни, затем Рону и Гермионе. Они приняли сторону Гарри. Жестоко дер-

жать Кикимера снова в изоляции от общества. Гарри решил поговорить с хозяйкой дома. Теперь только от ее решения зависит «судьба» Кикимера.

Перед ужином, когда в кухне не было никого, кроме задержавшегося Гарри и хлопотавший миссис Уизли, Гарри решил. Да и мысли, о покинутом Кикимере, заставляли Гарри действовать решительнее.

Гарри обратился к миссис Уизли:

– Миссис Уизли, можно я вызову сюда Кикимера... – Гарри тяжело сглотнул. Миссис Уизли обернулась к Гарри и выглядела больше задумчивой, чем удивлённой, как ожидалось Гарри. Губы её легонько шевельнулись, словно повторяя имя эльфа.

– Это домашний эльф, которого я унаследовал от Сириуса, помните? Я хочу, что бы он помог Вам с домашней работой и другими делами по дому... И я не хочу, что бы вы надрылись.

Миссис Уизли и правда выглядела усталой, при упоминании о Кикимере она нахмурилась. Конечно же, она помнила Кикимера, когда они жили все вместе в доме 12 на улице Гриммо три года назад, когда там располагалась штаб-квартира «Ордена Феникса». И Кикимер ей не нравился, как, впрочем, никому в то время, из-за своего грубого поведения.

– Спасибо, Гарри. Ты такой заботливый! Но право же, я не знаю. Я и сама прекрасно совсем справляюсь... – И чуть погодя добавила:

– Не думаю, что Кикимер согласится, ведь он не очень-то любил Артура...

Гарри подумал, что миссис Уизли вспомнила, что Кикимер называл семейство Уизли оксквернителями крови, из-за любви мистера Уизли к маглам и их вещам.

– О, нет, миссис Уизли. Уверяю Вас, он изменился. С тех пор как я подарил ему фамильный орден семьи Блэков, он стал совершенно другим домовым эльфом. Не таким, каким мы все его знали. И сейчас он один. Там, в доме его бывшей хозяйки Блэк.

– Какой ты все-таки добрый, Гарри! Ну, хорошо. Думаю, никто не заслуживает сидеть взаперти в старом доме в полном одиночестве. – Миссис Уизли уступила и, потрепав рукав Гарри, повернулась к кухонному столу и взмахнула своей волшебной палочкой. Нож принялся быстро нарезать морковь и зелень. Миссис Уизли покосилась на Гарри и ласково сказала:

– Надеюсь, ему у нас понравится, Гарри!

Гарри улыбнулся ей и, чуть покраснев, проговорил:

– Спасибо. – Он вдруг почувствовал себя неудобно. Во-первых, миссис Уизли не отказала бы ему, ведь выбора у неё не было. Она давно уже считала Гарри своим сыном. Может не таким как Рон или Джордж, но точно родным человеком. Во-вторых, Гарри не знал, как поведёт себя Кикимер, когда Гарри прикажет ему появиться перед ним. Но деваться было не куда. Гарри вспомнил, как ему было плохо одному в гостиной в доме Блэков, и понадеялся, что Кикимер поведёт себя благоразумно и вежливо. Гарри отошёл на середину кухни и набрал в грудь воздуха.

– Кикимер, приказываю тебе явиться ко мне! – сказал Гарри. В тоже мгновение раздался негромкий хлопок, и посреди кухни появился эльф. Одет он был в белоснежную наволочку, у него был длинный сморщенный нос и длинные уши, а на шее сверкал начищенный до блеска медальон Регулуса Блэка.

– Хозяин Гарри, – пролепетал он, низко кланяясь, – Кикимер рад видеть хозяина в полном здравии, – и быстро забормотал уже себе под нос:

– Также Кикимер рад видеть друзей хозяина, пусть даже и его верную подругу Гренджер и его чистокровного друга Уизли. Но Кикимер не узнает этого места.

– Кикимер, – перебил его Гарри, – Я хочу, что бы ты помог миссис Уизли на кухне и вообще занимался делами по дому. По крайней мере, пока я буду здесь жить.

– Слушаюсь, хозяин Гарри.

Кикимер подошел к миссис Уизли и поднялся на цыпочки, что бы лучше разглядеть происходящее на столе.

– Кикимер с радостью приготовит и обед, и ужин для своего хозяина. Кикимер почтёт за честь выполнить его любое поручение. Кикимер хочет приготовить любимые котлетки хозяйина в заливном соусе.

До этого момента миссис Уизли, как бы, не замечала Кикимера, но теперь неодобрительно покосилась на него. Кикимер замолчал, он не увидел на себе взгляда миссис Уизли. Он с интересом разглядывал, как нож сам по себе нарезал овощи, как котел в очаге сам собой помешивался и уже начал благоухать луковым супом. Кикимер подернул ушами и повёл носом в сторону котла.

– Кикимер чует что-то очень вкусное... – быстро залепетал он. – Кикимер видит котёл, Кикимер удивлён, Кимикер хочет узнать секрет блюда, Кикимер хочет помочь. – Он задрал голову на миссис Уизли и потирал ладонью о ладонь. Лицо миссис Уизли подобрело.

– Что ж, Кикимер, можешь принести мне ещё пару луковиц из ящика для овощей и несколько сухих лавровых листьев. – Она указала рукой на узкую дверцу кухонной кладовки. Гарри был уверен, что миссис Уизли было проще воспользоваться манящими чарами, и что она дала это поручение, чтобы не обижать, желавшего помочь домового эльфа.

На улице послышались торопливые шаги. Дверь отворилась, в гостиной появился усталый, но довольный мистер Уизли.

– Вот я дома. С завтрашнего дня я заместитель министра магии! – продекламировал он, раскинув руки, словно хотел всех обнять всех присутствующих.

– О, дорогой! – миссис Уизли кинулась к нему в объятия. – Я знала, что это когда-нибудь произойдёт.

Мистер Уизли увидел, как Кикимер пронёсся к кладовке и исчез за её дверцей. Он с интересом обвёл взглядом комнату, словно хотел увидеть, не произошло ли ещё чего-нибудь нового за его отсутствие. Джинни вошла следом за мистером Уизли.

Миссис Уизли помогла мужу снять плащ, и тот уселся за стол напротив присевших мгновением раньше Гарри и Джинни.

– Поздравлю! – сказал Гарри, привставая и пожимая руку мистеру Уизли. – Я очень рад за Вас.

– Спасибо, Гарри. – Мистер Уизли покосился на дверь кладовки.

– И я считаю, что Вы единственный, кто сможет действительно навести порядок в министерстве.

Мистер Уизли улыбнулся. Он явно был польщён замечанием Гарри, а по царившему в комнате спокойствию, наверное, понял, что Кикимер ведёт себя настолько учтиво, насколько и положено домовому эльфу.

Миссис Уизли подошла к столу, поставила на него тарелку с нарезанными ломтями хлеба и сказала чуть разочарованным тоном:

– Но я надеялась, что теперь ты будешь больше времени проводить дома...

Мистер Уизли отвел взгляд в пустое место на столе, задумался, и устало сказал:

– Ах, Молли, мне тоже этого очень хочется, но и сейчас в министерстве много работы. Понимаешь, все эти слушания и разбирательства с «пожирателями смерти». А сколько сторонников того, кого нельзя называть, ещё на свободе никому не известно.

– Я думаю, теперь они залягут на дно и уж больше никогда ничем себя не выдадут. – Сказал Гарри.

– Совершенно с тобой согласен, Гарри. Они теперь не достижимы для закона, но и у нас есть свои козыри. Информация, собранная «Орденом Феникса» очень кстати. Ведь его члены более трёх лет вели учёт и наблюдение за «пожирателями смерти».

Мистер Уизли виновато поглядел на миссис Уизли и сказал:

– Возможно, скоро я буду уходить с работы пораньше и даже возьму небольшой отпуск. Когда все «это» закончится.

Гарри подумал, что мистер Уизли как никто другой заслужил свой новый пост, и искренне радовался вместе с Джорджем, Чарли, Роном, миссис Уизли, Гермионой и Джинни этим вечером. Миссис Уизли пыталась как можно меньше разговаривать с Кикимером, но после ужина она, всё-таки, позвала Кикимера за собой и препроводила к большой корзине для грязного белья, сейчас пустовавшей. Она поместили в неё с помощью волшебной палочки три подушки и пуховое одеяло. Кикимер был явно доволен. Он поклонился Миссис Уизли и, теребя висящей у себя на шее медальон Регулуса, что-то быстро бормотал себе под нос. По выражению лица миссис Уизли, Гарри понял, что слова эльфа польстили ей.

– Кстати, Гарри. – Остановил мистер Уизли Гарри у самой лестницы наверх, когда он направлялся вместе с Роном в свою спальню. – Сегодня в кабинете министра разговор зашёл и о тебе. Тимиус Рокфельд поинтересовался, как ты поживаешь и предложил стать тебе членом Везенгамота. Это отличное начало карьеры в министерстве магии, если ты, конечно, желаешь там работать.

Рон удивлённо замер, открыв рот, что бы что-то спросить. «Почему мистер Уизли говорит это только сейчас, а не за ужином»? – Удивился Гарри этому факту, а не заманчивому предложению.

– Думаю, что нет. – Холодно ответил Гарри чуть более раздраженным голосом, чем ему хотелось. – Я ни за что не пойду работать в Министерство, я никогда не разделял «их» взглядов, да и последние несколько лет, оно не очень-то меня жаловало.

– Я так и думал. Ну, спокойной ночи. – Мистер Уизли похоже чувствовал себя неудобно говоря всё это, и как будто оттягивал момент, когда должен был сказать обо всем Гарри. Да и сам Гарри бы смутился ещё более, если бы не злость и ненависть к этому самому Министерству Магии, которое не так давно называло Гарри преступником, а точнее «нежелательным лицом номер один» – чем не прозвище для Волан де Морта? – Министерство, которое преследовало его крёстного отца Сириуса! А он был невиновен! И Гарри, Рон и Гермиона говорили об этом и прошлому министру магии и остались не услышанными. Поэтому Сириус последние годы своей жизни провёл взаперти в доме своей матери. Из заключения в Азкабане – в новое заключение. Сириус так никогда и не обрёл своей свободы, которая была у него в Хогвартсе и после него, когда он дружил с Джеймсом...

– Спокойной ночи.

Рон с Гарри побрели наверх.

Гарри было неприятно вспоминать и Везенгамот и его членов. Ему отчётливо помнился тот неприятный день, когда разбиралось его дело о неправомерном использовании волшебства несовершеннолетним учеником школы, о нем. Тогда Гарри использовал заклинание «патронус», чтобы спасти себя и своего двоюродного брата Дадли от Дементоров. Везенгамот рассматривал дело Гарри в полном составе, чем вызвал удивление Дамблдора и мистера Уизли, а большинство его членов обращалось с Гарри как с опасным преступником, требующим к себе самой жестокой меры наказания. Вспомнилось Гарри и жабье лицо Доллорес Амбридж, которое тогда он увидел впервые. Как выяснилось после, это она и натравила Дементров на Гарри, пользуясь своим положением в Министерстве Магии. Лишь благодаря Дамблдору и свидетелю миссис Пиг, которую он привел на слушание, Гарри вынесли оправдательный приговор и не отправили в Азкабан, тюрьму для волшебников. В тот раз министерство ему не поверило, не поверило и в возвращение лорда Волан де Морта, а Гарри называло вруном.

После этого короткого разговора в пару фраз с мистером Уизли, Гарри долго не мог уснуть, и этому не способствовали глухие стуки, доносящиеся с чердака. Потом за окном загрохотали раскаты грома, и крупные капли дождя застучали по стеклу. Гарри хотелось спать, но заснуть он никак не мог. Яркие вспышки за окном озаряли старенькую штору, скрывающую

за собой не большое окно в спальне Рона. Дождь снаружи усиливался и перешёл в ливень, в самую настоящую летнюю грозу.

От кровати Рона по обыкновению доносился храп. Это напомнило Гарри, что друг рядом. И Гарри попытался откинуть от себя дурные мысли. Вспоминая прошедший день и думая, что будет делать завтра, Гарри незаметно для себя погрузился в бессвязный сон.

Воскрешающий камень

Гарри сидел на старом дырявом перевёрнутом котле за домом семейства Уизли и понуро смотрел перед собой. Солнце только начинало клониться к закату и отбрасывало золотистый свет на садовые деревья. Лёгкий ветерок нежно теребил листья на их ветвях. А вдали, за садом, виднелся высокий лес. Лес в последнюю свою, самую цветущую пору. Совсем скоро он станет таким же золотым, как и листья яблонь, обогреваемые лучами солнца. А небо... Светло-голубое, и не всегда такое спокойное и безмятежное, как раньше, такое глубокое и тянущее сердце к умиротворению и спокойствию, без единого облачка на своей бескрайней глубине... Оно останется таким же, как всегда: холодным, равнодушным и прекрасным. Как и звёзды, сияние которых уже начало проблёскивать сквозь пелену синевы. «Красота и жестокость!» Щебетание суеливых птичек, копошащихся на ветках с яблоками и на заднем дворе, утихло еще с полчаса назад. Поспешное отступление испуганного садового гнома у ближайшего дерева было излишним. Но и его торопливая возня потонула в шелесте листвы. Парой минут назад Рон окликнул Гарри. Но Гарри, казалось, не замечал ничего этого. Время шло к ужину. «Да, конечно, так и есть». Гарри уже давно сидел здесь один. Именно это он и хотел найти на заднем дворе, хотя именно тут и не составляло особого труда отыскать его уединенного. Это было одним из любимых мест его и Джинни, Рона и Гермионы, когда они хотели уединиться, но Гарри как-то не подумал об этом тогда, когда его притянуло снова сюда. Его мысли были обращены в прошлое. Но не на Волан де Морта, или на трагичные события, произошедшие один-два месяца назад. Нет! Сейчас его мысли были погружены в памятное событие, воспоминание о котором Гарри был близок к своей мечте или счастью, а возможно, всего лишь к нескольким счастливым моментам, за которыми могло последовать тяжёлое разочарование и новая горечь потери близкого человека и душевные муки. Рон неожиданно появился из-за угла дома и стал как вкопанный. Можно было подумать, что Рон не ожидал увидеть здесь друга, но каждый, кто знал достаточно хорошо Рона как Гарри или Гермиона, сразу бы сказали, что он просто смутился. Рон не обладал таким красноречием, как Гермиона, но был верным и преданным другом Гарри.

– А-а... – Неуверенно и тихо протянул Рон, сделав в сторону сада несколько шагов. – Я тебя искал... – Рон снова умолк и внимательно взглянул на Гарри. Может он и пытался разглядеть на щеках друга слёзы или покрасневшие глаза, но в тени дома, в которой, чуть сгорбившись, сидел Гарри, Рону этого сделать не удалось, и он продолжил:

– Мама зовёт всех к ужину. – Рон отвернулся и посмотрел на сад.

– Ага. – С усилием произнёс Гарри, но голос его прозвучал тихо и вяло.

– Я подумал, что ты здесь и... Джинни будет волноваться если ты не пойдешь...

Гарри поднял голову и посмотрел на Рона.

– На ужин... – Закончил Уизли.

Джинни всё понимает, да и всегда всё понимала лучше самого него, Гарри. Иногда, вечерами, как например этот, на Гарри накатывала тоска. А в горле стоял большой комок, и на глазах выступала влага. Против его воли или желания. Это было неуправляемо его силами, да и разве стоило подавлять это в себе. Светлая память о его родителях, которых он так никогда по-настоящему и не знал, память о Сириусе... Всё это так сильно оживало, и погружало Гарри в особый мир. Грустный, но по-своему очаровательный. Трогательный и нереально заманчивый. У Гарри не раз создавалось ощущение, что это проявление ещё одного вида магии, о которой так просто не сказать словами, о которой мало кому известно. О ней не расскажут на уроках в Хогвартсе или автор какой-нибудь толстой книги с пожелтевшими от времени страницами. Неужели Джинни чувствовала то, что происходило в этот момент с Гарри? Неужели она так хорошо понимала его? Или просто не хотела его беспокоить? Она несколько раз уже удивляла

Гарри своей силой воли, своей чуткостью сердца и добротой, преданностью и терпеливостью к нему, к Гарри, словно и в этом было что-то магическое и необычное. Такой и была всегда младшая сестра Рона – Джинни – необычной.

Гарри ждал, что сейчас Рон развернется в другую сторону и его шаги стихнут за углом, но тот все еще стоял и молчал. Затем двинулся к котлу, на котором сидел Гарри, обернувшись назад, словно проверяя: нет ли кого-нибудь позади, сказал:

– Да что с тобой происходит? Всё уже закончилось и могло же быть и намного хуже... – Рон говорил тихо, почти шёпотом. В его голосе Гарри расслышал стремление поддержать друга. Гарри был благодарен ему за это, но сейчас Гарри всё ещё хотелось остаться в одиночестве. Хотя при упоминании Рона о Джинни, да и само его появление «оборвало» ту незримую нить к прошлому.

– Могло. – Вымолвил Гарри, словно вторя своим мыслям.

– Давай, пошли! Нечего тут сидеть! От этого ничего хорошего не будет!

Гарри перевел взгляд себе под ноги. Рон с надеждой смотрел на него.

– Могло, конечно, могло... – Сказал Гарри с горечью в голосе. Рон приоткрыл рот и склонился к Гарри.

– Смотри на жизнь веселее...

– ... быть и лучше. – Донеслось до ушей Рона. Рон помолчал с минуту, но видя, что Гарри больше ничего не добавил к своей туманной фразе, спросил:

– О чём ты? Ничего уже не изменишь... – Рон тут же пожалел, что сказал это. «И почему я всегда горожу какую-нибудь необдуманную глупость»? Но Гарри медленно закивал головой в знак согласия. Рон всегда говорил искренне, и Гарри ценил это.

– Камень. «Второй дар смерти». – Эта фраза прозвучала особенно горестно и трагично.

– Что-о? – Шёпотом спросил Рон и, не сводя с Гарри удивлённого взгляда, уселся рядом на дырявый котёл поменьше. Гарри снова кивнул и, не поворачивая головы, вымолвил:

– Помнишь камень, «возвращающий» к жизни?

Рон посмотрел на сад, потом на свои руки и, облокотившись локтями о колени, уставился перед собой задумчивым взглядом. Гарри знал, что Рон несомненно помнит о камне, и ждал что он скажет.

– Но он ведь... не воскрешает, – Сказал всё также тихо Рон. – В том смысле, что это не по-настоящему. Ведь нельзя воскресить того, кого уже нет!

– Я жалею, что не оставил его у себя. – Сказал Гарри. – Теперь я нашёл бы ему применение!

Рон выпрямился, но не повернул головы к другу. Снова повисла пауза и, спустя минуту, Рон прервал её первым:

– Но ведь Дамблдор говорил, что камень не вернёт... не может вернуть...

– Дамблдор не знал наверняка. Да и откуда он мог это знать? – Сказал Гарри спокойным, а может безразличным тоном. Мысли его были не о профессоре Дамблдоре.

– Но ведь это не возможно! – Воскликнул Рон.

– А кто знает, что возможно, а что нет? – Сказал Гарри. – Сириус исчез в каменной арке в «Отделе тайн»! В этом нет ничего магловского, только магия! А именно магией камень и «воскрешает»!

Рон не нашёлся чего ответить. Он помнил, что до того, как Сириус исчез за прозрачной пеленой каменной арки-портала, в него ударило убивающее заклятие Беатрисы, но напомнить об этом Гарри Рон не посмел.

– А мои родители... – Продолжал Гарри. – Они были убиты заклинанием! А вдруг камень обладает ещё большей силой, чем это самое заклинание? Ведь он был дан самой «Смертью»! «Второй дар Смерти». А силу камня никто не знает...

Рон опешил и испуганно смотрел на Гарри.

– А я его так не обдуманно... – Голос Гарри оборвался. Комок снова накатился к горлу. Снова повисла пауза. Рон чувствовал, что должен что-то сказать, но не мог найти подходящих слов. Да и что противопоставить такому заявлению. Рон никогда не слышал о магии сильнее, чем заклятие «Авадра кидавра», но с другой стороны, он и о «Дарах Смерти» узнал совсем недавно.

– Ты не собираешься искать камень? – Спросил, наконец, Рон.

– Нет... – Тихо донеслось от Гарри. – Он потерян. Я не смогу его найти, ведь на него не действуют чары вроде «Акцио»... – И Рон расслышал всхлип. Первый за этот нелёгкий разговор. Рон почувствовал, что должен оставить друга, дать ему время прийти в себя, но не смог встать и продолжал сидеть, проникнувшись горестью друга и растерявшись.

– Но... ведь у тебя есть Джинни. – Сказал Рон. – И сейчас она, ну... тоже переживает.

– Гарри, Рон! Где Вы? Ужин стынет на столе! – Послышался приближающийся и взволнованный голос миссис Уизли.

– Это моя мама! – Прошептал Рон. – Всё-таки решила тебя поискать сама.

Гарри привстал и обратился к Рону. Гарри не хотел расстраивать миссис Уизли и знал, что она такая же настойчивая, как и его Джинни, и не сомневался, что она быстро доставит его на кухню.

– Я хочу побыть один и... – Гарри запнулся. Он не хотел сказать лишнего и обидеть миссис Уизли или ещё кого-нибудь из близких ему людей. Рон обернулся на голос матери. Торопливые шаги приближались из-за дома.

– Скажи, скажи, что я не голоден и... – Гарри показалось, что Рон не слышит его... – И со мной всё в порядке, просто я не хочу есть.

Рон встал и кивнул Гарри. Шаги приближались. Гарри почувствовал себя неудобно и виновато из-за это такой очевидной лжи, удаляясь за небольшой сарайчик, где мистер Уизли хранил всякую поломанную магловскую рухлядь, бесполезную и пыльную. Гарри против своего желания расслышал бормотание Рона и озабоченный голос миссис Уизли, от которого Гарри стало только еще хуже на сердце:

– Бедный, надеюсь с ним всё в порядке?

Сердечные вздохи и взволнованный голос скоро утих. Гарри оставили в покое. Он чувствовал себя брошенным и неправым. Неправым своим поведением. Своим поступком он только доставляет беспокойство и заставляет нервничать миссис Уизли и Джинни, конечно, и Рона с Гермियोной. Они сейчас, должно быть, сочувствуют ему, Гарри, жалеют его. А может, считают отчасти и себя виноватыми. Гарри тяжело и громко вздохнул. В глазах пощипывало, но слёзы уже не текли.

«Я не должен себя так вести» – думал Гарри. – «Да ещё и Рону наговорил тут про „воскрешающий камень“. Надо продолжать жить и отпустить от себя... прошлое...» Но сердце Гарри говорило совсем другое. «Надо во что бы то ни стало вернуть их! Ты избранный! Тебе всё по плечу. Просто сейчас ты ещё не пришёл в себя, ты чуть потерялся. Но в дальнейшем ты обязан попытаться и стремиться... это теперешняя твоя цель, Гарри – вернуть Сириуса, маму и папу... и...» Гарри вспомнил тот день на кладбище. Тот самый, который снился ему в ночных кошмарах. Тогда Хвост убил Седерика Дигори. Тогда Волан де Морт обрёл своё сильное тело с помощью крови Гарри и попытался убить его. Но, именно в тот самый момент, и произошло, то самое «чудо», которое Гарри не сможет забыть никогда. Из палочки Волан де Морта появились бестелесные, прозрачные как дымка его мама и папа, Седерик и другие, убитые «тёмным лордом». «Амприори инконтатум»!

Именно так потом назвал это явление Дамблдор. Но папа и мама смотрели на Гарри, разговаривали с ним. По их щекам текли слёзы. Они спасли тогда Гарри. Как короток был тот миг и так ценен. Это было не самообман, который давало зеркало «Елиналеж». Это было наяву. И если камень, второй «дар смерти» может это дать, то ради этого стоит его снова обрести.

Но, как говорилось в сказке Бардля Бидля, камень, принесёт только горе и страдание. И если представить себе, скорее всего так бы и стало, если бы эти бестелесные призраки, но такие дорогие сердцу папа и мама Гарри, будут всё время с ним. А он, будет хворать, и стариться, и вскоре умрёт, закончит свой человеческий век. А они так и останутся в промежуточном своём состоянии. И, возможно, они никогда более не встретятся. Тогда сам Гарри обречёт их на вечные муки. На такие же душевные боли и терзания, в плену которых оказался и он сам.

«Должен быть другой выход! Я знаю!» – Сказал сам себе Гарри не так уверенно, как хотелось. Но сейчас он был слишком уставшим. А тем временем тень легла и на сад. В воздухе повеяло прохладой, и Гарри впервые поёжился. На коже рук высыпали мурашки. Сарайчик, о стену которого облокотился Гарри, уже давно был окружён мраком. Не окунувшись, в тёмную синеву неба, показались маленькие облачка, крапленые тёплыми красными лучами солнца, укрытого за «Норой», за далёкими деревьями и холмами на самом горизонте. Снова подул ветер. Холодный и жёсткий. Природа клонилась ко сну, погружалась в дремоту. И яблони, и кусты смородины, и ветер, и всё-всё продолжало свою жизнь. Да и не могло быть иначе. Это «закон природы». Сейчас она отходила ко сну, что бы на утро снова радоваться тёплому солнцу, щебетанием мелких птишек, суетливых жуков и копошащихся пчёл на распустившихся цветах.

Вдруг что-то зашуршало в высокой траве напротив Гарри. Но, тут же, успокоилось, а может и затаилось, увидев Гарри или почувствовав, что здесь кто-то есть. «Мышь или садовый гном»? Гарри обтёр ладонью уставшие глаза. Затем прислушался и посмотрел в ту сторону, в которой шевелился неизвестный «гость». Тишина. Гарри хотел было достать свою палочку, но передумал. «Зачем пугать маленького грызуна, и без того таящегося от хищников. Или садового гнома». Да и настроение у Гарри было не подходящим для этого.

Гарри поднялся на ноги и медленно побрёл к дому. У него не было никакого желания встретиться сейчас с миссис Уизли и выслушивать её утешения и причитания, что он слишком суров к себе. Гарри остановился и посмотрел на окна «Норы». Где-то наверху подрагивал свет. Это была комната Рона. Наверное, он ещё не спит. Возможно, Гермиона сейчас с ним, обсуждают переживания Гарри. А может и вовсе, она с Джинни или с миссис Уизли на кухне. До слуха Гарри донеслось сразу несколько звуков. Это был непонятный протяжный, но знакомый скрип, хлопанье крыльев и тихий угасший стук. Что-то легкое и небольшое промелькнуло в небе. «Сычик»? – Подумал Гарри. – «Рон выпустил его поразмять крылья и поохотиться». Это был скрип окна в комнате Рона. Гарри попытался разглядеть сову в фоне неба, но она была неразличима среди тёмных деревьев сада. Вскоре и шелест крыльев канул в безмолвие и тихий шум ветра. Гарри сделал несколько шагов к котлу, на котором сидел ранее, когда разговаривал с Роном. Сидеть тут ему не хотелось, но и попасться на глаза миссис Уизли, или Джорджу ему не хотелось так же. Он замер в нерешительности. Мягкая поступь шагов тихонько известила Гарри, что кто-то вышел во двор. Гарри не смог понять сразу, с какой стороны идёт источник звука. Гарри посмотрел на угол дома. Секундой позже, появилась Джинни. На нее падал мягкий свет, льющийся из окна кухни. Она посмотрела прямо на Гарри и неторопливо двинулась к нему, пав во тьму. Звук аккуратных и мягких шагов снова потревожил слух Гарри. Она подошла к нему, и... Гарри и так уже чувствовал себя виновато. Да и как он мог ещё и ей причинить душевную боль? А в этом Гарри не сомневался. «Надо было все-таки послушать Рона». Но сердце Гарри возликовало. Гарри был рад увидеть Джинни. Что-то такое неподъёмное и большое, подавляющее настроение и волю Гарри, испарилось. Волшебное чувство спокойствия и нежности наполняли его сердце. Гарри хотел что-то сказать, но не запнулся. Комок в горле чуть помягчел и поубавился в размере, таял, отпускал. Хотя они и стояли в тени дома, Гарри казалось, что он видит зелёные глаза Джинни. Он побаивался её слов, но она ничего не сказала, а просто сделала ещё один шаг и... обняла его. Гарри всхлипнул помимо своей воли. Волосы Джинни мягко коснулись его щеки.

Спустя полчаса, Гарри лежал в своей кровати. Дремота почти ощутимым туманом царила в комнате. Гарри зевнул. На тело навалилась усталость. Сказывался поздний час. Мирно посапывал рядом Рон. Гарри думал о Джинни, и её светлый образ в сказочной дымке памяти продолжал стоять перед глазами. Гарри незаметно погрузился в сладкий сон. Он был намного приятнее тех переживаний на заднем дворе. Джинни вернула уверенность и стремление смотреть в будущее, желание встретить завтрашний день, ведь он будет намного лучше. Гарри ждет нового утра с нетерпением потому что снова увидит ее.

Когда на ясном ночном небе царила бледное светило луны, Гарри заворочался и проснулся. Очарование сна пала с его сознания. Он повернулся на другой бок и глубоко вздохнул, готовясь и желая, снова погрузить свои мысли в созерцание неутомимого сновидения, протекающего рядом. Но новый сон отличался от желаемого.

Теперь Гарри спалось плохо. То и дело он просыпался и поправлял своё одеяло. Какое-то незримое беспокойство будоражило его. «Наверное, виной всему луна» – мелькнуло в голове у Гарри. Её серый свет ложился на штору и, проникая в комнату, падал на шкаф. Гарри поддался желанию сомкнуть веки и незаметно провалился в забытие. Сначала Гарри снился очередной день уроков в Хогвартсе, затем непонятные хлопоты в доме то ли Уизли, то ли Дурслей, понять было сложно, а затем и вовсе не желаемое событие: собрание «Ордена Феникса» в этом самом доме. Гарри было неприятно вспоминать этот самый орден по той причине, что входившие в него некоторые члены, отдали свои жизни в борьбе с «пожирателями смерти» и Волан де Мортагом, и Гарри с горечью переживал их утрату, поскольку успел привязаться к ним и проникнуться тёплым, братским или родственным чувством. После этого сновидения Гарри проснулся и больше не смог заснуть. Тело всё ещё жаждало сна, но глаза больше не смыкались, и Гарри не хотел снова очутиться в том окружении, пусть даже во сне, поскольку это приносило ему душевную боль. Он видел перед собой безмятежные, или сосредоточенные, или улыбающиеся лица друзей. Гарри пытался предупредить их о надвигающейся опасности. Хотел остановить их, рассказать, что произойдёт, и как их настигнет смерть. Но они, такие живые, оставались равнодушны к его словам. Гарри смотрел то в потолок, то на зашторенное окно и вслушивался в ночную тишину.

Миновал предрассветный час. Тихий и нерадостный. Небо, наверное, посветлело, хотя округлый облик небесного тела – луны, скорее всего, ещё продолжил царить на небосводе, а сияние звезд уже померкло в предрассветном сером небе. Совсем скоро солнце зальёт своим светом сумрачную комнату Рона. Хотя в «Норе» было много народу: мистер и миссис Уизли, Джинни и Гермиона, и даже домовый эльф Гарри – Кикимер, спящий на первом этаже, а рядом с кроватью Гарри, на соседней койке изредка похрапывал в глубоком сне его верный друг Рон, Гарри чувствовал себя одиноко. Даже упырь, живущий на чердаке, не выказывал ничем своего существования, как будто его никогда там и не было. Деревянные балки дома иногда поскрипывали. Когда с соседнего леса доносился тихий шелест деревьев, и ветер поскрипывал приоткрытой рамой окна и легонько теребил не до конца прикрытую штору, Гарри казалось, что это прилетела его сова с ночной охоты. Тогда он чувствовал себя более спокойно и умиротворённо. Пропадало то едкое ощущение одиночества. Гарри так хотелось, что бы сейчас кто-нибудь не спал и был рядом. Гарри ждал, вглядывался и ожидал разглядеть свою белую сову, его верную Буклю, умершую ради него ил по его вине... Но скрежет когтей по оконной раме, тихое довольное уханье или тёмное движущееся пятно на фоне шторы не проникало в комнату. Это была ложная тревога. А клетка открытая и пустая так и выделялась на шкафу тёмным пятном в полумраке комнаты. Гарри так и не решился выкинуть ее клетку. Клетку Букли! Она словно шрам на сердце и на его памяти осталась. И здесь, даже тут Гарри терялся среди таких реальных чувств как в небытие и жизни. Рядом с трудом, но можно было угадать едва отличимый силуэт клетки поменьше. Это была клетка Сычика – совы Рона, которую ему подарил несколько лет назад Сириус. И эта клетка тоже пустовала. В последние дни, Сычик часто пропадал ночью.

Он улетал поохотиться в близлежащий лес или поле. Так же он полюбил коротать утренние, дремотные часы на верхней перекладине, под самой крышей деревянного сарая Уизли, и часто не возвращался в свою тесную клетку в комнате Рона.

Гарри лежал и продолжал смотреть в потолок. Его грудь мирно вздымалась в равномерных вдохах. Как будто ничто не волновало Гарри. Вскоре пятно окна заметно посветлело. Ночное стрекотание кузнечика из удалённого куста или высокой травы незаметно потонуло в новом поскрипывании оконной рамы, при порыве ветра с южной стороны двора. А потом край шторы окропило и в тёмно-красный свет. Сова Рона так и не вернулась к своей клетке. Значит, она снова предпочла просторный сарай, в котором и сейчас царил мрак и безмятежное спокойствие, запах сена и куриного помета, покой и бодрящий, ещё не совсем утренний, воздух.

Спустя ещё какое-то время, воздух наполнился сначала редким и отдалённым эхом щебета ранней птицы в саду. Но вот прокукарекал петух в курятнике. Его скрипучий и сонный зов ещё раз разлился в прохладном воздухе и стих. Даже показалось, что слышно как он разминает крылья на верхней перекладине курятника. Гарри чувствовал свежий запах нового утра. Сырого и хмурого. Из-под одеяла всё равно не хотелось вылезать. Вскоре, как показалось Гарри, до его ушей донеслось тихое топанье и глухой стук входной двери. Гарри подождал ещё какое-то время, но желание спуститься вниз, было сильнее желания дождаться пробуждения Рона или поры завтрака.

«Интересно, спит ли сейчас Джинни»? – Мысль мелькнула в ясном сознании Гарри. Сейчас больше всего он хотел видеть только её. Гарри спустился по деревянной лестнице вниз, задержав свой взгляд на двери, ведущий в комнату Джинни. Но дверь была закрыта, и за ней царила тишина. А вот на кухне были признаки предутренней суеты. Огонь в очаге резво потрескивал на свежих только что брошенных в очаг поленьях. На столе стояло вязанное из соломы лукошко, наполненное яйцами. Значит, кто-то уже успел сходить за ними в курятник. Сомнений, что это была миссис Уизли, не было.

Кот Живоглот сидел на стуле напротив плиты и смотрел на потрескивающую сковородку с готовившейся яичницей. Пушистый хвост кота вальяжно лежал калачиком, а сам Живоглот лениво полизывал себе выпуклые подушечки лапы, пощуривая глаза, но не упуская сковороду из вида ни на секунду. Дверца в чулан была неплотно затворена. «Интересно, а где Кикимер»? – Подумал Гарри. – «Может ещё спит в своём укромном уголке и видит свой эльфийский сон, а может именно он и успел сбегать в курятник»?

Гарри подошёл к плите. Кот лениво перевёл на него свои глаза-искорки и снова воззрился на сковороду. Запах готовившегося завтрака был ему предпочтительнее кого-либо в кухне, даже сиреневой пуховки Джинни Арнольда. Та как обычно, была недосыгаема для него. Или в своей клеточке, или на плече Джинни.

Гарри поглядел в окно. Хмурое и сырое утро озарялось жёлтыми солнечными бликами. Над травой и грядками стоял утренний туман, ещё не рассеющийся и не выпавший в крупные и холодные капли росы. С улицы послышалась тихая поступь, и мимо подоконника в сторону двери пронеслись беловатые и пушистые ушки домового эльфа. «Кикимер» – узнал его Гарри. Дверь отворилась и в кухню вошла миссис Уизли.

– А Гарри, – Добродушно улыбнулась она, – Доброе утро... Ты сегодня встал что-то уж очень рано! Как спалось? Хорошо? – Она вела себя так, как обычно, но глаза её были чуть потусклыми и удручёнными.

– Доброе утро, миссис Уизли! Спасибо. Спалось просто отлично. – Улыбнулся Гарри в ответ, стараясь выглядеть более весёлым, чем себя чувствовал, и, не желая вспоминать о своей бессоннице или чувствах, и тем более, расстраивать миссис Уизли рассказом о них.

– Если потерпишь пять минут, я быстро приготовлю тебе завтрак! – Сказала миссис Уизли бодрым тоном, всем своим видом показывая, что не обеспокоена вчерашним состоянием Гарри. Но когда тот повернулся к столу, украдкой окинула его сочувственным взглядом.

– Спасибо, миссис Уизли, но я не очень голоден и могу подождать. – Проговорил Гарри, хотя при запахах в кухне живот Гарри заурчал. Сказывался и пропущенный им вчера ужин.

Миссис Уизли улыбнулась Гарри, чуть поджав свои губы:

– Ну, хорошо. – И повернулась к очагу, и, действуя достаточно умело своей волшебной палочкой, принялась за дело. В кухне появился Кикимер.

– Доброе утро хозяин Гарри. – Проговорил он. И, как того и опасался Гарри, негромко забурчал:

– Хозяину не спиться, хозяина всё ещё мучает «сами знаете кто»... – Кикимер протопал босыми ногами мимо Гарри. – Хозяин всё ещё переживает...

«Откуда он все это может знать и почему вообще-е»? – обидный вопрос и тайна для Гарри. – «Миссис Уизли услышала его слова»?

– А! Кикимер. – Миссис Уизли нарочито громко перебила рассуждения эльфа. – Ты-то мне и нужен. Подай мне, пожалуйста, тарелку с нарезанным беконом. Спасибо...

Намного проще было просто приманить его чарами, но Гарри был рад, что Кикимер запнулся и торопливо зашуршал мимо него. Значит, она его понимает и сочувствует...

Гарри повернулся и вышел во двор. Прохладной свежестью пахнуло в лицо. Свет поднимающего солнца заставил сощуриться глаза. Влажный туман поднимался в воздухе. А аппетитные запахи кухни канули в сырой пресной свежести утреннего часа. И в этой прохладе Гарри поёжился. Не столько от холода, сколько от унылого и, пока невзрачного, серого пейзажа, явившегося взору Гарри. Туман ещё не успел рассеяться и лежал перед дальними деревьями в огородных грядках. А горизонта и вообще невозможно было разглядеть в густой белизне. Солнце только начинало греть эту землю, и разгонять серую мглу. Гарри чуть помялся у крыльца и вернулся обратно в дом, где было тепло и сухо. А в очаге весело потрескивал яркий огонёк. Гарри прошёлся кругом и уселся за стол. Где-то в доме послушался неясный шум.

Вскоре у стола появился мистер Уизли и Джордж. Мистер Уизли широко зевнул и мутным взглядом оглядел тарелку, поставленную перед ним миссис Уизли. А вот Джордж выглядел бодрее. Он говорил о новом ассортименте шутих-петард, спрос на которые вырос за последнюю неделю в несколько раз, и торопился в свой магазин. Необходимо было пополнить их запас на складе – изготовить с помощью чар, подручных зелий и «неподжигательного» заклинания. Гарри присоединился к завтраку, но насторожённо прислушивался и поглядывал на лестницу. Вскоре мистер Уизли и Джордж трансгрессировали на крыльце «Норы», и Гарри остался снова один за столом. Живолот проскочил во двор вслед за Джорджем, задрав свой рыжий хвост и исчез из виду. Кикимер бесшумно прошмыгнул в приоткрытую входную дверь и скрылся за клумбой из алых и лиловых фиалок. Гарри поднялся со стула и направился следом за ними во двор.

Несомненно, скоро в кухню спустятся Джинни, Рон, и Гермиона. Но Гарри уже ждёт их на улице. Хотя кто знает, что происходит у Рона, Джинни и Гермионы? Гарри остановился на крыльце и прислушался. На кухне шумела миссис Уизли, а в остальной части доме было тихо. Тогда он присел на последней ступеньке и провёл рукой по непослушным волосам, взломаченным как всегда.

«Друзья! Джинни и Рон... И Гермиона...» – Вот кого не хватало ему сейчас. Рон должно быть видит тридесятый сон, а Гермиона после завтрака будет разбирать купленные книги. Ведь именно это она и собиралась проделать вчера. А Джинни...

Перед крыльцом появился Кикимер вместо того чтобы прошмыгнуть мимо Гарри, вдруг замер и прижал свои ушки. Совсем как Доби, когда тот чувствовал себя неудобно и неуверенно.

– Хозяин Гарри чем-то озабочен? – Сказал он, как будто сам себе. – Может ли Кикимер помочь Гарри Поттеру? Кикимер готов выполнить любую просьбу хозяина.

– Я это знаю. Спасибо, Кикимер, но... нет. – Отозвался Гарри, чуть дрогнувшим голосом. – Я в полном порядке...

Кикимер смотрел на Гарри подозрительно своими большими глазами и поджав ушки. Он видел, что Гарри опять находится в подавленном состоянии, и Кикимер жалел, что не в его силах теперь помочь.

– А, где миссис Уизли? – Спросил Гарри, меняя тему беседы. – А Джинни ещё не встала?

Кикимер поглядел на дверь, ведущую во двор, затем на не зашторенное окно. Ушки домового эльфа распрямились – «Жест покорности и послушания». Он теперь пытался слышать какой-либо шум снаружи дома.

– Я думаю, что пока нет, хозяин Гарри. Но Кикимер может пробудить ее ото сна...

– Не-ет, не надо...

Гарри помотал головой и зажмурился на мгновение. Когда он снова открыл глаза, эльфа уже не было.

И этот день канул, словно в пелене туманного сна, мыслей и боли. Точно сказать, сколько же времени так пронеслось, Гарри не мог. День таял за днем, остывая только недомолвки перед друзьями...

В последние дни Гарри было не до почты. Он уже давно не обращал внимания на прилетающих почтовых сов. Да и неохотно проглядывал присланные ему пергаменты или вовсе игнорировал их. Вот и новым утром за завтраком Гарри отодвинул пару присланных на его имя конвертов и принялся с аппетитом за еду. Джинни сегодня появилась раньше Рона и Гермионы. Вид у неё был не такой заспанный, как ожидал Гарри. Она улыбнулась ему и уселась рядом. Кикимер прошмыгнул мимо них и поставил перед Джинни тарелку яичницы с беконом, гренки и ложку. Гарри повернулся к Джинни и легонько улыбнулся ей в ответ. Но все-таки Джинни озабоченно глядела на него.

– Как ты? – Многозначительно спросила она. Гарри хотел пожать плечами и сказать, что ещё удручен вчерашним своим настроением, но взглянув в эти зелёные глаза, проговорил:

– Нормально. – Настроение у Гарри и, правда сейчас было немного лучше, чем прошлым вечером. Да, и все мысли его, сейчас, обратились к «ней».

Гарри посмотрел в свою тарелку, и, чувствуя, что должен сказать что-то успокоительное для Джинни, проговорил тихо, что бы Кикимер его не мог слышать:

– Намного лучше, чем вчера. – При этих словах, на сердце Гарри, стало легче. Ему стало спокойнее, и он посмотрел на Джинни. Сверху донесся негромкий шум. А вслед за ним говор и топанье по деревянным ступеням лестницы.

Вниз спустился Рон и следом за ним Гермиона. Их стремительное появление чуть смущили Гарри и, казалось, Джинни. И желание Гарри, сказать Джинни о своём наболевшем на чувстве, померкло. Рон и Гермиона – верные, надёжные его друзья и спутники в любых приключениях, но сейчас он хотел озвучивать что-то личное из своих переживаний, и только для Джинни, разве...

Это не означало, что он предаёт или боится своих друзей, просто, это было уже частью его личных отношений. Джинни взяла верхний конверт, лежавший около тарелки Гарри.

– Это от Риты Скитер. – Немного удивлённо сказала она Гарри. – Репортёра газеты «ежедневный пророк»!

Гарри помнил кто такая эта Скитер, но не ожидал услышать её имя или увидеть его на конверте вообще когда-либо.

– Риты? – Равнодушно произнёс Гарри. – Наверное, хочет взять у меня интервью? Да приукрасит его и ещё много чего в нем напридумывает... – И тут же Гарри взволнованно оглядел шкафы и полки, расположенные вдоль стен небольшой и тесной кухни.

– А большого жука тут случайно никто не видел?

Рон хихикнул:

– Кикимер бы его прибил, или Живоглот слопал бы в одну секунду!

Гермиона недовольно посмотрела на Рона. Шутка про её любимца Живоглота не понравилась ей. А, возможно, и упоминание о жуке.

Рита Скитер была незарегистрированным анимагом. Превращаясь в большого жука, она ни раз проникала в Хогвартс и подслушивала, подглядывала, а потом писала сенсационные и разоблачительные статьи. Конечно, подобным способом она добывала все свои репортёрские материалы. Именно это и взволновало Гарри. Вспоминая об этих статьях в газете «Ежедневный пророк», он не испугался. Бояться было нечего. Он разозлился.

– Не возражаешь? – Спросила Джинни, заглядывая в глаза Гарри и поворачивая письмо в руке. Конечно, у Гарри не было секретов от неё, и тем более он не мог возражать или противиться...

– Нет. – Коротко сказал Гарри и поднёс очередную ложку ко рту. Гарри сделал вид, что письмо его не интересует, оно и не интересовало бы его ещё вчера или чуть раньше утром, но в этот час это было уже не так. Гарри с нетерпением ждал: скажет ли что-нибудь Джинни или нет.

После шелеста пергамента и полуминутной тишины за столом Джинни произнесла:

– Нет, она не просит об интервью или о встрече с тобой. Это как-то странно.

– Правда, не просит? – Спросил Гарри.

– Да. Рита просто пишет, что всегда верила в твои силы и поздравляет тебя с «величайшей победой» в истории над чёрной магией...

– Как-то запоздала эта Рита! – С упрёком хмыкнул Рон, торопливо прожевав бекон.

– Она изменилась. – Сказала Гермиона. – И, думаю, она не напишет о Гарри ничего плохого. Ведь нам известен её «маленький секрет»!

– Похоже на то! – Поддакнул Рон. Гарри пожал плечами.

– Ну и ну. Похоже, Рита сдаёт свои позиции. – Сказал Рон.

– Что ты имеешь в виду? – Переспросила Гермиона.

– Что с тобой, Гермиона? Рита Скитер и палец о палец просто так не ударит! «Бьюсь о заклад», она что-то затевает. И, скорее всего, объектом этой затеи будет Гарри! – Рон посмотрел на Гарри:

– Так было всегда. Гарри Поттер – самая вкусная из новостей и сенсаций.

Да и сам Гарри теперь сенсация!

Рон посмотрел на Гермиону. Та – не возражала.

– Будь на стороже, Гарри, и... держи ухо востро! – Посоветовала Гермиона.

Гарри хотел было сказать, что теперь-то ему ни по чьей какой-то там репортёр! После его победы над Волан Де Мортом не найдётся ни одна причина, по которой его лишили бы статуса «избранного» и «победителя».

Шум, со стороны окна, заставил Гарри и Гермиону повернуться. В приоткрытую раму влетела большая серая сова со сложенной газетой в клюве. Её крылья зашелестели по подоконнику, а сама птица, с трудом, протиснулась внутрь комнаты. Но секунду спустя, сова подлетела к столу и приземлилась ровно посередине, опрокинула тарелку с тостами и бросила сную ношу – газету прямо в почти пустую, тарелку Гарри. Рон чуть поморщился. Сова сложила крылья на спине и подняла свою левую лапку вверх. Гермиона торопливо достала из кармана маленькую медную монетку – медный кнат, и положила её в кожаный мешочек, привязанный

к лапке совы. Рон поглядел в тарелку Гарри, на что-то принесенное птицей, и равнодушно, даже разочарованно, сказал:

– «Ежедневный пророк».

– Да, – Подтвердила Гермиона. – И сегодня она что-то немного припозднилась.

Гермиона нежно провела ладонью по голове и спине совы. Сова дёрнула шеей, посмотрела своим большим глазом на свою лапку с кожаным мешочком для монет и, зашелестев крыльями, поспешила вылететь в окно.

– Держи. – Сказал Гарри, протягивая газету Гермионе.

– Спасибо. – Та развернула её перед собой. Гарри и так был не в лучшем настроении духа, даже сказать, был в подавленном настроении, но когда он разобрал название одной из статьи газеты, он разозлился. Открытая страница пусть и лежала для Гарри перевернутой, но не узнать этот уже надоедливый и привычный «штамп» и нескольких слов Гарри не мог.

– Это что, про Волан де Морта? – Довольно резко спросил он, бросая ложки и прижимая край газеты к столу.

– А? Да. – Ответила Гермиона. – Тут написано: «Сподвижники „Вы сами знаете кого“ всё ещё остаются на свободе!» – Гермиона посмотрела на Гарри, затем наклонилась к статье и начала негромко читать вслух, скорее для Гарри, чем для себя или Рона:

– Вчера вечером на заседании Везенгамота всплыли интересные факты о сподвижниках «Того кого нельзя называть» – «пожирателях смерти». Как стало ясно в результате дознания и других следственных мер Министерства Магии, несколько «пожирателей» всё ещё находятся на свободе... Но министр магии с твёрдой уверенностью заверяет читателей нашей газеты, что в конце текущего месяца и с ними будет покончено. И он займут своё место в Азкабана!.. – Гарри недовольно хмыкнул, высказывая свое недовольство этому наивному заверению.

Гермиона прервала чтение и посмотрела на Гарри. Джинни тоже посмотрела на него, но с большим сочувствием и озабоченностью. А Рона эта заметка ничуть не побеспокоила. Он только что и промолвил с полным ртом:

– Только сейчас этот министр опомнился! Да и что толку: эти «пожиратели» теперь как пуганые воробушки... разлетелись!

Гермиона возмущенно уставилась на Рона. Видимо, ей не понравилось такое легкомысленное сравнение, а может, боялась взволновать Гарри лишним упоминанием о «пожирателях». Гарри медленно кивнул, смотря при этом на газету в руках Гермионы, сидящей напротив него, провозгласил, довольно агрессивно:

– И почему его опять называют «Вы сами знаете Кто»?! Ведь Волан де Морт уже мёртв!

– Наверное, людям так проще. – Ответила Гермиона. Стало ясно, что такую реакцию у Гарри вызвал заголовок статьи, а точнее, прозвище Волан де Морта. – Все уже привыкли его называть «Сами знаете Кто».

Гарри помотал головой. Слишком долго был «тёмный лорд» в его жизни и в его мыслях, что бы Гарри мог почувствовать эту «привычку» на себе.

– Нет! Думаю, тут дело совсем в другом. Все ещё бояться его имени. Это как защитный рефлекс, выработанный со временем и годами страха. И почему репортёры в этой «газетёнке» никак не могут понять, что нет Волан де Морта! Некого бояться! А бояться произносить имя – это совсем глупо!

Рон кивнул и пробормотал:

– Страх перед именем только усиливает страх перед тем, кто его носит. – Эти слова, когда-то, сказал Гарри сам профессор Дамблдор. Так давно это было. Тогда это замечание казалось очень точным и верным. В принципе, оно и сейчас осталось таким, только тогда это звучал как вызов Волан де Морту. Тогда это говорило, что «тёмный лорд» слаб, и что его глупо бояться. Но Рон повторил эту фразу, как повторенную за Гермионой. Когда она так храбро

и твёрдо сказала её Люциусу Малфою, при первой их встрече в книжном магазине в косом переулке. Рон, тогда, очень восхитился поступком Гермионы.

Гарри не отреагировал на фразу, повторенную другом. В доме хлопнула задняя дверь. Потом последовали шаги. Гарри сказал, чуть понизив голос, ему не хотелось, что бы миссис Уизли слышала их разговор, и тему, которую они обсуждали:

– «Ежедневный пророк» сам продолжает его «так» называть! А ведь пора бы уже подать пример волшебникам, вместо того, что бы запугивать их... – Гарри умолк, грустно опустив взгляд на стол перед собой. Потом на свою пустую тарелку. Пальцы правой руки легонько толкнули ложку. И Гарри встал из-за стола. Оставаться снова одному ему не хотелось, но желания продолжать «эту» беседу не было никакого. «Эта газета до сих пор так ничего не поняла? Или тут замешана политика Министерства Магии?». Гарри не стал дожидаться, когда миссис Уизли появится в кухне и двинулся к парадной двери.

– Не стоит обращать на газету внимания. – Сказала Джинни. – Это же «Ежедневный пророк»! Чего ещё от него ждать, кроме лжи?

– Точно. – Согласилась Гермиона. – Репортёры находятся под влиянием министерства магии и, к тому же, они сами чего хочешь исковеркают ради сенсации!

После скрипа дверцы кладовой и приглушенной возни, появилась миссис Уизли, с засушенными рукавами и волшебной палочкой.

– А, все уже проснулись и позавтракали? – Сказала бодро она, оглядывая собравшихся за столом.

– Гарри... – Окликнул Рон с набитым ртом. Гермиона и Рон переглянулись. Джинни помедлила пару секунд, а потом последовала за Гарри. Завтрак в её тарелке остался почти нетронутым.

– Доброе утро, миссис Уизли. – Ответила Гермиона.

– Вот и отлично, мне нужна помощь в огороде. Так что, Рон, сразу после завтрака, мигом ко мне!

Рон недовольно что-то буркнул себе в ложку, но достаточно тихо, что бы мать его не услышала.

– А я могу Вам чем-нибудь помочь. – Услужливо спросила Гермиона.

– Нет, милая. Это всё садовые гномы. А выдворять гномов довольно опасно. Могут и укусить за палец! У Рона это отлично получается. И, Рон, прихвати с собой Гарри. – Миссис Уизли посмотрела на проём двери, в котором исчез Гарри ранее.

– В конце концов, это всего лишь газета. – Сказала Рон, когда миссис Уизли повернулась к ним спиной и принялась разбираться с посудой в раковине.

«Да. Это верно, но ведь её читают, а большинство ещё и верит написанному» – подумал Гарри, сидя на крыльце.

«Выдворение» гномов было весёлым занятием. Помогало отвлечься от проблем и других тяжких мыслей, и вообще очень сблизало. Гарри и сам уже ругал себя за то, что не сдержался за завтраком, заставил беспокоиться своих друзей, миссис Уизли, и, выставил себя дураком. «Хотя, дураком – это громко сказано, ведь любой мог повести себя так же на его месте».

Выдворение напоминало Гарри охоту. Для Рона это весёлое занятие со временем начало казаться работой по дому, обременением, как работа в курятнике. Но поднятие хорошего настроения он тоже ощущал, а восторг, с которым то он, то Гарри отыскивали очередного маленького пузатого гнома, напоминал восхищение от полёта на метле и радости удачного заклинания, пущенного на противника в «дуэльном клубе» в школе. Поэтому очень скоро сад и огород наполнился радостными возгласами и беззаботным смехом. А гномам сам процесс напоминал скорее всего игру в прятки. Им это, похоже, тоже нравилось, за исключением редких пинков Рона, после которого подвернувшийся гном постанывал и, потирая ушибленное место, хромал в кусты, выкрикивая ругательства.

На какое-то мгновения Гарри забыл о заметки в «Ежедневном пророке». А к концу дня и вовсе относился к ней равнодушно. Но проснувшись на следующий день, так уже не считал.

Вдобавок неприятные мысли о Везенгамоте, о суде волшебников, снова начали раздражать мысли Гарри. Эти воспоминания всплыли сами собой и не торопились покинуть его сознание. За завтраком он почти не разговаривал, а лишь кивал на шутки друзей, и, перед тем как встать из-за стола, поймал на себе обеспокоенный взгляд Джинни.

– Сыграем в Квидич! – предложил беззаботно Рон.

– Отличная идея! – сказала Джинни. – Да, Гарри?

– Сейчас, только возьму «Молнию»!

Рон осмотрел свою тарелку и спросил:

– Мам, можно мне ещё рисового пудинга?

Поднимаясь по лестнице, Гарри услышал бормотания Кикимера, убирающего пустые тарелки:

– Кикимер хотел подмести на чердаке. Кикимер увидел там грязное, неумытое существо. Кикимер возмущен. Кикимер слышал, как оно сопело, видел, как оно заметило Кикимера. Кикимер никогда никого не боялся, кроме старой хозяйки Блэк. Да, да... Кикимер не будет убираться на чердаке, Кикимер никогда больше туда не пойдёт, не пойдёт... – И Эльф что-то быстро заворчал себе под нос, что именно, Гарри уже не разобрал и улыбнулся. Да, знакомство с упырём на чердаке кого угодно вывело бы из равновесия. Но Кикимер! Неужели, старая хозяйка Блэк была милевиднее упыря в доме Уизли? Кикимер прошмыгнул мимо и укрылся за дверью. Рон довольно хмыкнул и проводил Кикимера взглядом. Затем бросил Гарри:

– Так, что насчёт квидича? Я – готов!

– Отлично, – Ответил Гарри. – Только схожу за «Молнией».

Рон кивнул Гарри и посмотрел в окно, хотя через него нельзя было увидеть того места, над которым они играли в эту игру волшебников.

Это уже была не та «Молния» – подарок крестного. Та самая метла была безвозвратно потеряна давным-давно, в том самый вечер, когда семеро Поттеров отправились с тисовой улицы. Когда «Орден Феникса» тайно от пожирателей смерти и от министерства магии вывозил Гарри в безопасное место из дома Дурслей. Тогда Гарри и потерял свою метлу. Но об этом он редко вспоминал. Ведь потеря «Грозного Глаза» Грюма и Букли была куда ощутимее. Но это было год назад. А после того, как не стало Волан де Морта и Гарри снова провозгласили героем, одним серым и сырым утром, три совы принесли Гарри новую метлу – «Молнию»! Один в один как его прежнюю, только новую!

Оказывается владелец магазинчика «Все для квидича» в косом переулке узнал, что Гарри Поттер летает именно на «Молнии» и, каким-то образом, что у Гарри ее больше нет. Такой щедрый дар удивил Гарри, но отправитель в таких лестных формах высказывал свое восхищение Гарри Поттером, что парень не осмелился отказать ему в такой чести. Да и тогда было не до этого совсем, как отвечать на письма...

Дверь в спальню была чуть приоткрыта. Кот Гермионы – Живоглот, лежал на кровати и недовольно поглядывал на Сычика – маленькую сову Рона, который дремал на шкафу около своей клетки.

Гарри подошёл к своей кровати и встал на колени. Аккуратно достал из-под неё свою метлу «Молнию». Гарри не оставлял её в сарае вместе с другими метлами, а забирал ее наверх, в спальню, и убирал под свою кровать. Так повелось довольно давно. Еще в его прошлые посещения... Поднявшись на ноги с метлой в руках, Гарри повернулся, к неплотно зашторенному окну, и замер. Только теперь Гарри услышал непонятный шум.

За окном порхала пятнистая сова, в клюве у неё был, розового цвета конверт. Она захлопала крыльями по стеклу, смотря на Гарри, как на спасителя. Гарри положил «Молнию» на кро-

вать, быстро подошёл и распахнул окно. Сова ворвалась в комнату и начала кружиться под потолком. Гарри пригнул голову, а Живоглот насторожился и, не отрываясь, следил за новой гостей. Сова бросила конверт на постель Рона, ближе к изголовью, как раз туда, где и лежал Живоглот, и, вылетев обратно в окно, унеслась прочь. Живоглот быстро соскочил на пол и выбежал из комнаты, его пушистый хвост исчез на лестнице в дверном проеме. Сычик заёрзал на шкафу и поглядывал на происходящее с оживлённым интересом. Гарри подошёл и поднял письмо с одеяла: почему оно не пришло с утренней почтой?

– Что так напугало Живоглотика? – Гермиона заглянула в комнату, она зачем-то поднялась наверх следом за Гарри и остановилась у открытой двери. Гермиона вопросительно посмотрела на распахнутое окно, затем на Гарри и на письмо у него в руках.

– Что это был за шум?

– Сова. – Ответил Гарри. Он вертел необычный конверт в руках и пытался разобрать завитки мелкого, но чёткого подчёрка.

– Сова? – Переспросила Гермиона и подошла к Гарри. – Письмо? Интересно, от кого это.

– Это от...

– Лаванда Браун! – Прочитала удивлённо Гермиона тихим голосом, склонившись над письмом. – Лаванда?

Гарри переглянулся с Гермионой. В глазах Гермионы блеснул недобрый огонь.

– Это для Рона? – Сказала Гермиона. – Не знала, что он с ней переписывается.

– Я тоже. – Сказал Гарри. Он забыл про Лаванду и про то, что Рон с ней встречался на шестом курсе, поэтому не ожидал увидеть её имя. «И почему именно сейчас письмо с ее именем»?

Гермиона, похоже, была чуть раздосадована и задета. Это письмо компрометировало Рона и делало из него предателя по отношению к Гермионе. Поэтому Гарри быстро и искренне произнёс:

– Первый раз вижу, что бы Рон получал от неё письма. Может она хочет выразить свои соболезнования?

Гермиона задумчиво отвернулась. Гарри положил письмо на тумбу около кровати Рона. Гермиона повернулась и внимательно проследила, как Гарри именно пристроил конверт. Гарри взял свою «Молнию» и неуверенно направился к двери.

– Играем в Квидич? – Спросил Гарри. Гермиона кивнула. В её взгляде уже читались весёлые вызывающие и не много мстительные нотки.

– Конечно. – И Гермиона вышла из комнаты, Гарри – за ней следом.

В эти дни Гарри с друзьями почти каждый день играли в Квидич, любимую игру Гарри и Рона. Он с Роном против Гермионы и Джинни. У Гарри была самая быстрая и дорогая метла – «Молния», а в сарае семьи Уизли – старые «Чистомёты». Поэтому летали на «Молнии» все по очереди. Джинни наколдывала кольца, висящие в воздухе. Они заменяли собой ворота для квидича – кольца, стоящие на длинных шестах. Играли волшебным мячом из магазинчика приколов Джорджа. От обычного квофла он отличался тем, что сам возвращался в руки, бросившего его, игрока, если его долго никто не подбирал. И ни смотря на то, что составы противоборствующих команд казались неравными, мальчишки обычно проигрывали. И как казалось Гарри, дело было вовсе не в том, что Джинни была лучшим загонщиком в школьной команде Гриффиндора, да и, пожалуй, во всём Хогвартсе, а в том, что Рон подыгрывал ее напарнице Гермионе. Когда Рон стоял на воротах, Гермионе удавалось забивать в них мячи чаще, чем когда в их защищал Гарри.

Гарри и Джинни играли хорошо, Рон был на шестом курсе вратарём Гриффиндора и играл просто отлично, когда был уверен в себе и своих силах. В решающем матче он принёс победу своей команде, не пропустив ни одного мяча. Но как загонщик он уступал своей младшей

сестре и Гарри. А Гермиона играла хуже них всех, если не сказать – просто плохо. Это было не её стихия. Она всегда больше времени уделяла книгам, да и практики на метле у неё было меньше, чем у других игроков. Поэтому она искренне радовалась после своего забитого гола и одаривала Рона улыбкой. Тот улыбался в ответ, но тут же смущался, завидев удивлённый взгляд Гарри. Так было и этим утром. Игра началась с неудачного рывка Рона за мячом, посланного Гермионой в ворота, и счёт был открыт. Гарри переглянулся с Джинни и та, покачав головой, с трудом подавила смешок.

– Как тебе это удаётся, Гермиона? – спросил Гарри нарочито серьёзно, подлетая мимо нее.

– Рон парит у нас в своих несбыточных фантазиях! – Сказала мстительно Гермиона. Наверное, припоминая Лаванду Браун, – А? Рон?

Правое ухо Рона чуть покраснело, но выглядел он довольным собой.

– Мне солнце светило в глаза. – Так тихо сказал Рон, что слышать его мог только Гарри.

– Ага. Это само собой так и было!

– Конечно, само собой! Сам погляди, Гарри!

Не плохое продолжение дня. Но и он вот-вот как канул в вечернем сумраке. Радость игры и веселые эмоции померкли перед ужином. Даже Кикимер не развеял скудного и тоскливого веяния приближающегося вечера.

Новый день рождения и тайные гости

Новым утром, чуть только забрезжил рассвет, Гарри проснулся и спустился вниз. Ни смотря на ранний час, миссис Уизли уже была на ногах, и, взглянув на Гарри, сказала:

– С днём рождения, Гарри! Твои подарки ждут тебя там, у стола. Но нашего подарка там ещё нет, он будет позже. – Миссис Уизли потрепала его по взлохмаченным волосам и улыбнулась.

– Это вовсе не обязательно. – Проговорил, чуть смутившись, Гарри.

– Какой ты скромный! – Миссис Уизли улыбаясь Гарри и, повернувшись к плите, разбила на сковородку несколько яиц, и сковородка зашипела на огне. Гарри неуверенно направился к указанному месту за столом. Ему было приятно, что друзья позаботились купить ему подарки, и было приятно их получать. Он машинально взял один из свёртков и присел на край стула. Кикимер всхрипнул в своей корзинке, из которой виднелись только длинные уши. «Устал прошлым вечером. А миссис Уизли проявила не разбудила его. Вот это Кикимер должен уж точно оценить»!

На кухне появился Джорд Уизли и, увидев Гарри, направился к нему.

– Привет, Гарри. Встал сегодня спозаранку? Получай тогда баранку! Я приготовил тебе подарок. Он – здесь. – Джордж, смеясь, деловито взмахнул волшебной палочкой. К Гарри полетел свёрток, завёрнутый в пёструю бумагу с большой буквой «У», фирменным знаком магазина близнецов Уизли.

– Это стирающий память порошок и еще лимонные конфеты мечты. Первое стирает память на несколько часов, попавшему под его действие магу, второе – погружает в кажущийся реальную мечту, в сладкий сон или соблазн, пока сосёшь конфету. Думаю, тебе это надо попробовать.

Джордж похлопал Гарри по плечу и посоветовал еще:

– Только маленькому Ронни не говори про конфеты. Хорошо? Он случайно съел целую горсть, когда они были на стадии своего производства. Принял их за обычные сладости. Думал, мы кондитерскую лавку решили открыть. Ух, что было! Я еле от него отбил, так он требовал добавки! Хотел весь подопытный материал уничтожить!

– Неужели? – Не поверил Гарри.

– Еще как! Ронни любит сладости не хуже сладких мечтаний! Это уже проверенно!

Гарри усмехнулся, и Джордж тоже выглядел весёлым и довольным.

– Мам, я сегодня уйду пораньше, но к обеду обещаю быть! – И чуть тише, но преувеличенно важно добавил для Гарри:

– Не могу же я пропустить день, когда Ронни снова будет покушаться на лимонные конфетки?! И вообще, мне интересно, что его тот раз прельстило в них: лимонный вкус или фантазии?

Джордж нарочито состроил задумчивый вид, и Гарри не смог удержаться от смеха. С лестницы сошёл мистер Уизли. Сонный, он потирал глаза.

– Здравствуй, пап. – Сказал Джордж, – Устало выглядишь. На работе дел невпроворот?

– А-а, Джордж, это ты? Да, работы много...

– Это заметно!.. Ладно, мне пора.

Схватив гренку с кухонного стола, он вышел во двор, и до Гарри донёлся хлопок – Джордж трансгрессировал.

– А, Гарри. – Произнёс мистер Уизли. – Поздравляю тебя с 18-летием!

– Спасибо.

– Я все-таки помню о твоём дне рождения! Молли, дорогая, я тороплюсь. Что у нас с завтраком?

– Через минуту будет готов. – Из кухни появилась миссис Уизли, и тут же тарелки, стоящие на полке у раковины, поднялись в воздух и сами собой расставились на обеденном столе. Взлетела сковорода и выложила в тарелки мистера Уизли и Гарри яичницу с беконом.

– Превосходно! – Буркнул сам себе мистер Уизли.

Гарри полностью съел свой завтрак. И когда с ним было покончено, внимание Гарри привлёк совсем маленький свёрток – подарок для него. До этого он был скрыт за большой коробкой с подарками от Джорджа. Гарри повертел коробочку, взвесил в своей ладони и вскрыл. В его руке оказался небольшой золотой шарик.

– Снитч? – Удивился Гарри. – Золотой снитч!

«Интересно, от кого это»? Гарри аккуратно рассмотрел упаковку и обнаружил короткую записку:

«Это снитч с чемпионата мира по квидичу, который поймал Виктор Крам в финальном матче в игре против матче с Ирландией. Надеюсь, тебе будет приятно оставить его у себя. Извини, что не могу вручить его лично – дела на работе не позволяют быть в этот ранний час дома. Перси Уизли».

Гарри поднёс маленький шарик поближе к очкам, что бы лучше его разглядеть. Мистер Уизли поглядел на снитч.

– Квидич. – сказал он. – Самая любимая игра всех волшебников. Да, должно быть Перси стоило немалых трудов добыть его в отделе магических игр. Я видел, как он направлялся туда. Ах, Гарри, вернуть бы мои молодые годы! Задал бы я «слизеринцам».

Гарри улыбнулся.

– Не волнуйтесь, мистер Уизли. Последние несколько лет они не видели кубок по квидичу, как своих ушей, потому что кубок доставался нам – команде Гриффиндора.

Мистер Уизли поднёс к губам чашку с тыквенным соком и ответил на замечание Гарри улыбкой.

Гарри взял снитч и направился наверх, в спальню Рона. Ему хотелось разбудить друга и показать подарок. Крам был любимым игроком Рона, и снитч, пойманный Виктором Крамом, несомненно, привёл бы Рона в неописуемый восторг. Сверху послышались шаги, и Гарри увидел Джинни. Она кокетливо улыбалась и подкинула свёрток. Гарри поймал его, и в тоже мгновенье Джинни обняла его.

– Поздравляю, Гарри! – сказала она. Гарри улыбнулся и поцеловал её.

Мимо проскакала по ступенькам Гермиона и, прежде чем скрыться внизу, сказала, огнялувшись:

– С днём рождения...

Гарри оторвался от поцелуя и посмотрел в глаза Джинни. Она смотрела прямо ему в глаза и прошептала:

– Я люблю тебя, ... Гарри...

Над головой Гарри закружился непонятно откуда появившийся Сычик. Бросив конверт Гарри на голову, громко защебетал, облетел несколько раз вокруг Гарри и Джинни и также внезапно пропал. Гарри неохотно выпустил из объятий Джинни и поднял с пола конверт.

– Это от Билла и Делакур! – воскликнул Гарри. – Из коттеджа «Ракушка».

Джинни обвела Гарри за талию и увлекла за собой вниз снова в гостиную. Гарри послушно последовал за ней и сел рядом за столом. Гермиона положила свой подарок для Гарри к другим, ожидавшим своей очереди, и сказала:

– Надеюсь, тебе понравится. Это книга с магическими заклинаниями, очень полезными для дел по дому или на работе.

– Спасибо...

– Что ж, – сказала миссис Уизли, – Джордж и Артур уже ушли, но они будут к праздничному обеду в твою честь, Гарри!

– Билл пишет, что они вместе с Делакур тоже будут на нём. – сказал воодушевленно Гарри, откладывая письмо, и ловя на себе взгляд Джинни.

– Открой. – Сказала она и кивком указала на свёрток, который Гарри всё ещё сжимал в своей руке. Гарри добродушно ухмыльнулся и аккуратно развернул коробочку. Внутри была цепочка с кулоном в виде сердечка. На сердечке тонкими буквами было выведено: «С любовью от Джинни».

– Спасибо, Джинни. – Сказал Гарри и накинул цепочку себе на шею и продолжил разглядывать кулон.

– Я хочу, что бы ты всегда это помнил. – Прошептала она, протягивая свою ладонь к ладони Гарри и сжимая её.

Гарри думал, что вовсе необязательно было дарить ему все эти подарки, ведь он и так знал, что семья Уизли его любит и относится как к родному. Любит Джинни, Гермиона и Рон, Билл... И даже, казавшийся таким серьёзным и независимым, Перси.

– Что-то Рон долго спит. Сказала Гермиона. – Опять проспип завтрак.

Раздался громкий хлопок, и Рон появился около стола. Он улыбался и, присаживаясь за своё место, сказал, кивнув Гарри:

– Привет, Гарри. С днём рождения! Мой подарок ждёт тебя наверху, на твоей кровати.

– Интересно. Что же такое ты ему подарил? – спросила Гермиона и уставилась на Рона. Тот покосился на неё и, не говоря ей ни слова, взял ложку и стал уплетать свой завтрак.

– Утренняя почта, – Сказала миссис Уизли, вставая и открывая окно. На фоне ясного неба уже можно было разобрать приближающихся птиц. Спустя минуту, несколько сов взлетели в гостиную и, бросив письма на стол, улетели также быстро, как и появились. Миссис Уизли извлекла из кучки пергаментов свежий выпуск «Ежедневного пророка» и развернула его на столе.

Большинство писем пришло на имя Гарри, но он не собирался их читать. Гарри хорошо знал, что в них написано, и у него не было настроения ознакомиться с их содержанием.

– Ты позволишь? – спросил Рон, вертя в руках одно из посланий в руках.

– Конечно, пожалуйста. – Безразлично сказал Гарри.

– Смотри, Гарри! – Сказала Джинни. – Это от Дурслей.

– От Дурслей? – удивился Гарри.

Он и забыл об их существовании. И тем более не ожидал получить от них поздравление. Гарри взял протянутый конверт и изучил его с обеих сторон прежде чем вскрыть.

– От Вернона Дурсля – Гарри Поттеру, где бы он ни находился. – Прочитал Гарри. Марок на конверте не было.

– И как Дурсли смогли прислать ему письмо с совой? – подивился Рон.

Дурсли, которые не любили Гарри, и всё, что было связано с миром волшебников. А больше всего их раздражали совы, приносящие письма! А тут письмо принесенное совой?!

Гарри изумлённо посмотрел на Рона и Гермиону. Он ожидал, что они дадут ответ на его молчаливый вопрос, но Гермиона и Рон тоже с интересом разглядывали Гарри и полученное им письмо. Гарри вскрыл его.

– Прикольная вещь! – Сказал Рон, выхватывая открытку из конверта. На ней был изображен красивый букет из красных и желтых роз. Рон открыл открытку и прочитал. – Здесь написано: поздравляем с днем рождения! Да ещё довольно ровным подчерком! Не думал, что эти твои маглы способны так ровно выводить буквы!

– Да. Очень аккуратно. И так и написано – больше ничего. Всего три слова – Подтвердила Джинни, заглядывая через плечо Рона. – Не очень они словоохотливые.

– Да вовсе и нет. То есть да, они скупы на поздравительные речи. Да, и это писал не дядя Вернон. У маглов такие открытки продаются почти на каждом шагу, так что тебе ничего писать и не надо. Эта надпись уже напечатана ещё в типографии. – Пояснил Гарри.

– В чём-чём? – Изумился Рон.

– Типографии! На заводе, где эти открытки и рисуются.

– Круто! – Рон стал внимательно рассматривать открытку со всех сторон, наверное, намериваясь обнаружить какие-нибудь следы этой типографии.

– Просто для них уже и это большой шаг, ведь я им столько проблем принёс, особенно в последнее время... – Сказал Гарри и запнулся. Слова сами собой слетели с его губ, но ещё больше бед и горестей Гарри принёс семье Уизли. Мысли Гарри опять вернули его туда, в свой плен, из которого он вырвался и хотел больше никогда не возвращаться, хотя конечно, это останется с ним навсегда. Друзья не обратили внимания на слова Гарри, это его успокоило.

– Откуда Дурсли взяли волшебную сову, что бы прислать поздравление? – Удивилась Гермиона.

– Не знаю. – Равнодушным голосом сказал Гарри. Ему подумалось, и даже хотелось так думать, что это Дадли, его двоюродный брат, заставил дядю прислать поздравление. Ведь как выяснилось в его последний день пребывания на тисовой улице, Дадли Дурслё относился к нему лучше, чем думал Гарри после той памятной встречи с Дементорами. А, возможно, и сам дядя или тётушка Питунья поменяли к Гарри своё отношение. Пусть на чуточку, но поменяли. И к миру магов – тоже. Ведь им пришлось познакомиться с этим чуть поближе в прошлом году. И Гарри хотелось думать, что теперь они обо всем мире волшебников, мире Гарри, лучшего мнения.

– Интересно, как там Дурсли? Наверное, поживают себе на тисовой улице в Литл Уингинге и всё ещё рады, что избавились от меня?

– Ага. – Перебил рассуждения Гарри Рон. – Точно обрадовались, что больше никогда тебя не увидят снова. Ведь теперь ты совершеннолетний!

Сказав это, Рон рассмеялся, но тут же осекся, увидев, что Гарри не смеётся вместе с ним, а задумчиво погрузился в прошлые воспоминания или в свои мысли.

Неизвестно, что пришлось пережить Дурслям. Может и их преследовали слуги Волан де Морта и, может, их тоже пытали? «Маловероятно».

– Да-а. – Машинально пробубнил, себе под нос, Гарри.

Вдруг у Гарри возникло жгучее желание написать Дурслям, узнать как у них дела и у Дадли, показать им, что их поздравительная открытка важна для Гарри. Также Гарри подумал, что напишет письмо позже, наверну в спальне, когда Рон этого не увидит.

Но на этом сюрпризы утренней почты не закончились. Совы всё прилетали и прилетали. Каждый раз все новые. По две, по три, они приносили красиво упакованные коробочки – подарки для Гарри на день рождения. Подарков было много. Их посылали школьные друзья Гарри, члены по «Отряду Дамблдора». Были и свертки от абсолютно незнакомых волшебников и волшебниц. Все они желали прекрасного здоровья и процветания Гарри и его друзьям. В одном из свертков была пачка волшебного пергамента, способного, при определенных словах, скрывать написанное на нем ранее. В другом – пузырек с веселящим ароматом. Тоже хорошая вещь! Капнешь каплю из флакона и хорошее настроение на весь день обеспечено. В третьем – кто-то прислал, написанный яркими красками, портрет Гарри. Изображение на нем не двигалось. Видимо, он был создан магловскими красками на обычном холсте. Рон вертел портрет и так и сяк, переворачивал его вверх ногами, но затем, разочарованный, оставил его в сторону. Статичное изображение его не интересовало. Зато портрет понравился самому Гарри. На нем он был срисован с одной из фотографий из «Ежедневного пророка», как решил Гарри и был выполнен довольно искусно. Может здесь и не обошлось без магии?

А тем временем погода на улице стояла жаркая и солнечная, и Гарри, Рон, Джинни и Гермиона перебрались во двор, где укрылись в тени раскидистого дерева и продолжили раскрывать свертки, шутя и веселясь, поедать все возможные сладости, коих Гарри прислали в огромном количестве.

Так и просидели до обеда. А к обеду миссис Уизли приготовила все любимые блюда Гарри и большой шоколадный торт с надписью: с днём рождения, Гарри.

Перед домом на лужайке поставили стол. Волшебством возвели открытый шатёр, белый и высокий.

В назначенный час явился Джордж, с двумя коробками «Фейерверков Братьев Уизли», и с небольшой позолоченной волшебной арфой. Он поставил её на подоконник открытого кухонного окна, и она заиграла сама собой. Красивая музыка лилась из ее струн, впрочем, может, это очарование было навеяно не столько красивыми мелодиями, сколько магической силы арфы.

– Я позаимствовал ее у Долли. Она работает в магазине Древностей, как раз напротив меня. Ее родители открыли магазинчик совсем недавно. Этой арфой она очень дорожит, но я все-таки уговорил Долли одолжить ее мне.

– Здорово! – Сказал Гарри.

– Но аккуратнее с ней. Эта арфа обладает усыпляющим действием, если постоять около ее чудных струн совсем близко. Поэтому я и поставил ее на подоконник, подальше от нас. – Пояснил Джордж.

Позже явился и Хагрид, в объятиях которого Гарри чуть не задохнулся. Потом трансгрессировал и Мистер Уизли, который отпросился с работы пораньше. Флер Делакур, которая гортанным голосом назвала его Х-харри, и поцеловала страстно в обе щеки. А от слов «ты ещё похорошел и стал совсем взрослым», Гарри смутился. Билл Уизли, силу рукопожатия которого Гарри успел забыть, напомнил и о себе, явившись следом за Делакур.

Перси так и не явился.

– У него много работы. – Оправдывал его мистер Уизли. – Старается преуспеть на новом месте! Ему сейчас нелегко приходится.

– Я, вот, готовлюсь потихоньку к новому семестру. Будет, что показать ученикам... – Хагрид переменял тему разговора.

Джинни завела разговор с Делакур, а Билл остался около Гарри.

– Помнишь нашу тётушку Мириэль? – Спросил Билл Гарри. Гарри кивнул.

– Она была у нас в гостях на той неделе. – Билл странно улыбнулся. – Да, её невозможно забыть. Даже если ты ни разу с ней не встречался.

– Она была на вашей свадьбе. – Сказал Гарри. – Тогда я был в обличье магла из ближайшей деревушки и имел удовольствие с ней пообщаться! – Вспомнил Гарри.

– Вот как? – Изумился Билл и расхохотался. – Да, такая уж она у нас, Мириэль. Ничего не поделаешь. Моя Делли, – Так Билл называл свою возлюбленную Делакур, – Еле её стерпела. И было за что. Она постоянно поучала её домашним делам, а ещё, без усталости рассказывала нам новости о своих подругах и соседях и, главное, о тебе, Гарри.

– Обо мне? – Не поверил своим ушам Гарри.

– Да, и о тебе. – Билл снова широко улыбнулся. – Представляешь, она всем рассказала, что знакома с тобой, что ты достаточно непослушный, но милый и своенравный молодой человек... – Гарри вытаращил глаза на Билла. Ведь тётушка Мириэль никогда не видела Гарри лично в его истинном обличии! – И очень скоро ты породнишься с её родом.

Билл испытующе посмотрел в глаза Гарри, тот растерянно обернулся. Но, похоже, последнее замечание Билли никто кроме Гарри не услышал.

– Не бери в голову. – Прервал молчание Билл и хлопнул Гарри по плечу, от чего у Гарри очки чуть сползли к кончику носа. – В общем, она достаточно милая старушка, только чересчур болтливая. Суёт нос, куда не следует и... тому подобное.

Гарри нашёл глазами Джинни. Она стояла чуть поодаль от него. Такая красивая и нежная. Гарри сказал:

– Мириэль права. Я хочу породниться с твоей семьёй. – Гарри набрал в грудь по больше воздуха. Следующая его фраза была настолько важной для него, что он засомневался: как посмотрит на это Билл. Но не сказать этого Гарри не мог.

– Вы наилучшие маги, которых я когда-либо знал, я считаю, за великое счастье быть сейчас здесь, с вами и... – Билл уловил направление взгляда Гарри, так, что, похоже, для него не было сюрпризом его следующие слова. – Джинни – самая замечательная девушка на свете.

– Ха! – Громко воскликнул Билл так, что миссис Уизли, проходящая мимо, посмотрела на них. – Вот и отлично! – И чуть понизив голос, добавил: – Мы с радостью возьмём тебя в нашу семью, ты и без того нам уже достаточно родной человек.

Гарри почувствовал себя неудобно. Щёки его запылали. Это были его сокровенные, личные мечтания... Озвучить их было непросто.

– И Джинни превосходный выбор! Из всего нашего многочисленного семейства, она самая... – Билл замолк, но радостная улыбка осталась на его лице. А в голове у Гарри вертелись разные красивые слова – продолжения фразы Билла. Надёжная, милая, прелестная, неземная, красивая...

Билл обнял Гарри рьяно похлопал его по плечам, но тут же, разжал объятия, как бы опасаясь привлечь к себе внимание других гостей.

– Я видел, как моя мама смотрит на тебя. – На ухо Гарри шепнул Билл. – И когда ты с Джинни.

Гарри потупил взгляд. Слова Билла были очень личными для него и настолько важными, насколько Гарри мог понять это. И у него не было сил слушать их, смотря в светлые глаза Билла. Гарри чувствовал себя вором, залезшего в личные мысли близкого человека.

– ... Думаю, она видит, что вы любите друг друга и очень хочет, что бы вы были счастливы.

Гарри с надеждой поднял глаза на Билла. То, что он услышал сейчас, было очень важным для него. Гарри открыл рот, посмотрел в глаза Билла и сказал:

– Спасибо! – Это было самое душевное, идущее, от его прыгающего и танцующего, от счастья, сердца. Искреннее слово, которое у него, Гарри, вырвалось.

– Ха. – Отозвался Билл. – Ты отличный парень, Гарри. Джинни не ошиблась в тебе! Это точно!

Миссис Уизли позвала всех к столу. Гости последовали на призыв, к тому же все уже заждались праздничного угощения. Особенно Рон. Он первым поспешил на свое место и, усевшись за стул, придвинувшись к нему, начал испытующе вдыхать ароматы расставленных блюд.

Появился Кикимер. Он пронёсся вдоль стола, низенький, но шустрый с большой запылённой бутылкой вина к мистеру Уизли. Тот сделал жест рукой, предлагая Кикимеру занять место на свободном стуле за столом. Гермiona трансфигуровала обычный табурет в высокий стул, такой, за которым Кикимер чувствовал бы себя удобно. Кикимер испугано посмотрел на Гарри, своего хозяина. Медальон на его груди вздрогнул. Гарри указал глазами ему на стул. Кикимер сложил руки у груди и медленно, с благоговением уселся на него, словно это далось ему с болью. Из Больших глаз домового эльфа потекли невольные слёзы.

«Никто, за всю его жизнь, за много столетий его рода домовых эльфов, ни разу не предлагал домовым эльфам сидеть за одним столом с волшебниками!» Тем более, с семьёй, которой этот эльф служил. Это означало, что этот самый эльф, Кикимер, равный член семьи. А такого никогда ещё не случалось.

Мистер Уизли взмахнул своей палочкой, и бутылка вина, поставленная Кикимером на стол, понеслась по воздуху над столом, наполняя бокалы до краёв.

– За Гарри! – Воскликнул мистер Уизли, встав со стула, когда перед всеми собравшимися стояли бокалы наполненные вином. Гарри заметил про себя, что бутылка была особая: вина в ней ни капельки не убавилось.

– За Гарри... – Отозвались эхом гости за столом и поднялись в свою очередь. Рон, Гермиона, Джинни, Билл, Делакур, Хагрид... Все они улыбались и подняли бокалы еще выше в едином дружном порыве.

Гарри поднялся последним. И улыбаясь во весь рот, неуклюже, неуверенно поднял и свой бокал.

– Сегодня не единственное радостное событие в нашей семье. – Сказал мистер Уизли, после того, как бутылка с вином снова пронеслась над бокалами гостей. – Я хотел бы сейчас поднять этот бокал вина... – Мистер Уизли сделал небольшую паузу, оглядывая, сидящих за столом. – За ... – Мистер Уизли снова умолк и покосился на свою супругу. Та, сияющая стояла рядом с ним. – За...

– Ой. – Сказала она и чуть раздурманилась. – Сегодня мне стало известно... что Делакур и Билл... скоро обзаведутся, ну, Делакур и мой Билли станут матерью и отцом...

Окончание слов миссис Уизли потонуло в радостных восклицаниях Гарри, Гермионы, громогласных басовых речах Хагрида и непонятном возгласе Рона, перебивавшего слова Джинни...

– За это просто необходимо обязательно выпить! – Вскричал Хагрид, поймав своей широкой ладонью бутылку. – За Билла и Флёр!

Хагрид смачно отхлебнул из бутылки, и дольше, чем ожидал Гарри.

Многочисленные Уизли подняли бокалы за это событие. Флёр кокетливо улыбалась всем собравшимся за столом и, кивая, говорила:

– Спасибо! Спасибо! Нам очень приятно! Ну что Вы...

А потом и миссис Уизли заключила её в своих крепких объятиях, прервал ее говор. А после, прослезившись, поцеловала Билла, что-то говоря ему, давая советы и теребя за щеку, как совсем маленького своего сынишку.

Этим днём Гарри получил и особенный подарок. Его приготовили напоследок. Наверное, по желанию лесничего школы – Хагрида. Мистер Уизли и Хагрид подарили Гарри новую сову. Сова была белая, как его Букля. Ни смотря на то, что Гарри очень любил Буклю и с горечью вспоминал её, погибшую от случайно угодившую в неё заклятия пожирателей смерти, он был искренне рад такому их подарку. Сову называли Белоклювой, и Гарри тут же выпустил её из клетки: «Пускай разомнёт крылья после долгого заточения в магазине».

После трапезы мистер Уизли включил волшебное радио, настроил его на волну с музыкой и сделал звук погромче. Когда заиграл вальс, Джинни потянула Гарри за руку на импровизированный танцпол. Он повиновался. Гарри не мог сказать, что умеет хорошо танцевать, но сегодня это было ему неважно. Он танцевал с Джинни и не видел никого, кроме неё. Вскоре и Гермиона с Роном последовали их примеру. Рон пригласил Гермиону на танец, а она видимо только этого и ждала, потому что как только Гарри и Джинни затанцевали, поглядывала на Рона как-то необычно. Билл и Флер воздержались от танцев. Они уселись недалеко от крыльца, подальше от радиоприёмника и о чём-то беседовали с миссис Уизли.

Вечером был фейерверк, и ребята засиделись допоздна, попивая сливочное пиво, принеённое Джорджем с косой аллеи, и громко разговаривали. Праздник выдался на славу, и когда Гарри отправился спать, даже стуки упыря на чердаке показались чем-то приятным, родным.

Когда Гарри и Рон уже улеглись в свои постели, они ещё долго болтали, прежде чем уснуть. А когда сверху снова донёсся глухой стук, Гарри весело прошептал:

– Опять упырь на чердаке буянит!

– Ага, – согласился Рон, – Хочет внести свою лепту в торжество. А может расстроен, что его не пригласили?! Он никогда не видел такого красочного и шумного фейерверка! Ему

со своими стуками до взрывов Джорджа далеко! Теперь не скоро успокоиться. Вот увидишь. Наверное, это серьёзный удар по его самолюбию, так как до сих пор только он тут шумел, после того, как Джордж и Фред переместили свои эксперименты в свой магазин в косом переулке.

Рон помолчал, а потом добавил:

– Что-то долго он там стучит. Обычно пара десятков ударов, и он успокаивается. Хотя, припоминаю... в тот день, когда я попросил его освободить мою комнату, упырь с полночи гремел чем-то на чердаке! Так он не хотел отсюда уходить. Думал навсегда остаться в моей кровати. Думал, что ему разрешат вернуться, если постучать подольше!

Рон весело хмыкнул и погасил тусклый светильник своей палочкой потому, что в коридоре на лестнице слышались чьи-то аккуратные и тихие шаги. Рон и Гарри молчали и вслушивались в стуки упыря и удаляющуюся поступь шагов, поскрипывание ступенек. Тишина постоянно нарушалась различными звуками. Потом Гарри услышал скрип чердачной дверцы. Удары на время стихли. Гарри даже смог расслышать шум ветра за окном и дыхание Рона. Но когда шаги снова раздались на лестнице, упырь застучал по водопроводной трубе с новой силой. Миссис Уизли не удалось уговорить упыря прекратить своё буйство. Гарри не слышал, как миссис Уизли вернулась в свою спальню. Он уже не замечал шума с чердака, так как яркие мысли о прошедшем дне рождения наплыли в его сознании, а не предстали перед уставшими глазами.

Последние дни, проведенные в Норе, напоминали Гарри каникулы из своего прошлого, когда он был пару-тройку лет назад в гостях у семейства Уизли. Как «очередные каникулы»: счастливые и слишком быстротечные. Только теперь к ним прибавлялась горечь, которая нависала и постоянно напоминала о себе. Горечь, которую Гарри пытался всячески отогнать, похоронить и запереть в удалённых уголках памяти. Горечь рождалась мыслями о его дальнейшем будущем, что в Хогвартс он больше не вернётся и ещё более суровая реальность: он потерял многих близких друзей.

С течением этих безмятежных дней полных отдыха и хозяйственных хлопот по хозяйству, которым придавались Гарри и его друзья, было и ещё одно надвигающееся событие, о котором помнил Гарри, и само собой не мог забыть Рон, и это сказывалось на поведении Рона нервозностью и задумчивостью. Даже, когда тот сидел верхом на метле. Этим событием было неминуемое приближение того дня, когда мистер и миссис Грейнджеры были приглашены в Нору. Родители Гермионы должны были приехать в ближайшие два-три дня. И это известие наложило свой отпечаток на всех обитателей дома семейства Уизли. А день этот неумолимо приближался. И ни какая магия не могла отодвинуть предстоящее действо.

За день перед приездом в Нору родителей Гермионы – мистера и миссис Грейнджер, даже в воздухе ощущалось напряжение, царившее в доме.

Миссис Уизли сразу же после обеденных хлопот поспешила отправиться в косой переулок с помощью сети каминов летучего пороха. Она собиралась прикупить кое-что в кондитерской и продуктовой лавке. Миссис Уизли редко выбиралась за покупками в косую аллею, и это её вылазка означала серьёзную подготовку к завтрашнему обеду, на котором она, конечно же, собиралась удивить званных гостей.

Вечером Джордж снова принёс с собой музыкальную арфу. Он поставил её на маленькой тесной тумбе около очага, и волшебная арфа принялась беспрестанно наигрывать всевозможные струнные мелодии. Такие красивые и мелодичные, что даже миссис Уизли укрутила громкость своего радиоприёмника и с удовольствием присоединилась к слушателям: Гарри, Джинни и Джорджу. А вот Рон переживал предстоящую встречу серьёзнее всех. Он не находил себе места, был хмур и обильный ужин не порадовал и не отвлек его от суровых и беспокойных мыслей. Он больше обычного проводил время с Гермионой, хотя более правильно сказать, ходил за ней и был не многословен, впрочем, как и обычно. Со стороны могло показаться, что

этим Рон словно хотел задобрить родителей Гермионы, но сама мысль эта была глупа и невероятна. Когда Гарри погружался в свой сон этим вечером, Рон ещё не спал. А это было нехарактерно для него. И Гарри не сомневался, что заснуть другу этим вечером было нелегко.

Следующим утром мистер Уизли не отправился в министерство, как он делал это обычно в будний день. Это был ещё один из тех редких случаев, когда он предпочёл отпроситься из-за уважительной причины и его отпустили. Чуть позже обычного после завтрака он трансгрессировал из Норы. И получил одобрение министерства магии на сооружение портала, с помощью которого родители Гермионы перенесутся к самому крыльцу «Норы». А так как небольшая кухня или гостиная дома семейства Уизли не могла вместить большое количество гостей, Гарри и Рон принялись развёртывать белый шатёр на поляне перед домом. Это был один из тех шатров, который остался после свадьбы Билла и Флер. Джинни и Гермиона помогали миссис Уизли. Они прибрали дом, затем сад и поляну вокруг шатра. А Кикимер отлично справлялся с кулинарными изысканиями вместе с миссис Уизли на тесной кухне. Благо служение роду Блэков научило его некоторым особенным блюдам и изощрениям в кулинарной магии, которые даже не знала миссис Уизли, и которым Кикимер уже успел попотчевать Гарри и его друзей в прошлом году. А готовить он умел превосходно. Французская кухня – был его конёк. Результат старательной и многолетней работы на кухне.

Прошёл час. Потом ещё один. Вот-вот ожидалось прибытие гостей. Всё было готово к их прибытию. Миссис Уизли заставила Рона надеть чистую рубашку. А Гарри уговаривать не пришлось. После ребята спустились вниз. Рон постоянно выглядывал из окна, но высунуть нос на улицу так и не отважился. Миссис Уизли тоже была наготове, суетилась около очага и стопок тарелок, ложек и салфеток. Гарри и Джинни уселись внутри шатра. Благо там было тихо и тенисто. А солнце начинало всё больше припекать снаружи. Настроение Гарри было отличным, да и у его Джинни – тоже. Гермиона постоянно рассказывала Рону и миссис Уизли о своём магловском детстве и о своих родителях тоже. Об их обычных делах и привычках. Её голос доносился до Гарри через открытое окно гостиной. Мистер и миссис Грейнджер были стоматологами. Это было известно и ранее Рону, но так и не давало ему представления, что же это такое на деле. Миссис Уизли слушала торопливое разглагольствования Гермионы с небольшой рассеянностью. Явно её мысли были заняты кухонными и обеденными приготовлениями. А вот Рон слушал с сумрачным и даже чуть напуганным видом.

Наконец, после томительного ожидания, мистер Уизли телепортировался к порогу дома вместе с долгожданными гостями: мистером и миссис Грейнджер. Они выглядели чуть смущёнными, но улыбались и, после того как расцеловали, выбежавшую им навстречу, Гермиону, поприветствовали и остальных членов семейства Уизли и Гарри.

В шатре, украшенными цветами, было прохладно и свежо. На подоконнике открытого окна появилась та же музыкальная арфа Джорджа, и она наполнила воздух негромкими и ненавязчивыми мелодиями. Джордж и Перси тоже явились к обеденному столу и были представлены Грейнджерам. Мистер Уизли просто светился от радости общения с самыми настоящими маглами и ещё долго донимал отца Гермионы вопросами о магловских штуках и изобретениях. Но сами Грейнджеры были немногословны. Говорили, что магловские изобретения, не идут ни в какое сравнение с магическими штуками и чарами. И, в свою очередь, расспрашивали мистера Уизли о порталах. Гарри объяснял это их скромностью и незнакомству с порядками магов. Чета Грейнджеров была явно в восторге от своего перемещения через один из волшебных порталов, работе мистера Уизли в министерстве, хотя тот и нашёл эту тему скучной, но поведал в общих чертах о своём новом poste в министерстве. Перси возбудился при этой беседе, ибо ранее бредил хорошей карьерой, и тоже внёс свою лепту, поведав о важности министерских работников, как они спасают маглов и волшебников от вмешательства темных сил, и какую необходимую роль играют законы волшебного мира, создаваемые в стенах министерства. Перси, как и прежде, был важен и невозмутим, не обращал внимание на шутки Джорджа

в его сторону, которыми он веселил Гарри, Гермиону и Джинни. Рон сидел за столом рядом с Гермионой и яства на столе подняли ему настроение, а Гермиона так и светилась от счастья. Она очень соскучилась по своим папе и маме и не могла нарадоваться и наглядеться на них.

Было решено, что Грейнджеры уедут вместе с Гермионой. Это вызвало удручающее настроение Рона и так ошеломило его, что тот потерял дар речи и, открыв рот после его оглашения, сидел как каменный и даже не притронулся больше к еде. Но после недолгих уговоров мистера и миссис Уизли, согласились, что Гермиона ещё приедет в Нору. И они не будут оттягивать это событие, как только Гермиона думает вернуться сюда.

Вечером, когда солнце склонилось к горизонту и его оранжевый край коснулся дальних деревьев, пришла и эта самая пора расставания.

Перед отъездом, родители Гермионы душевно попрощались со всеми Уизли и Гарри. Уизли обняли напоследок Гермиону, а миссис Грейнджер даже прослезилась, но, всё же, собралась в обратный путь, пообещав всем, что еще до первого сентября их дочь вернется в «Нору». Благо муж её обнял и поддерживал успокоительными нареканиями. Мистер Грейнджер боялся злоупотребить гостеприимством Уизли и этот вопрос снова поднялся. А те наперебой заверили, что, конечно же, будут только рады обществу Гермионы, и это, никоим образом, не стесняет их. Поэтому снова с нетерпением ждут её в гости. Гермиона чуть всхлипнула и на её щеках вдруг появились слёзы. Она припала к плечу Рона в последний раз, а тот принялся говорить ей совсем тихо успокоительные слова и аккуратно поглаживать длинные волосы. Смущенный, он раскраснелся.

Радость Гермионы от встречи с родителями сейчас обратилась в ее грусть. Она так давно по-настоящему не была дома. Особенно если вспомнить чем она была занята весь предыдущий год. Скитаниями с Гарри. И постоянная опасность разоблачения и страх за её папу и маму давили на неё прошлый долгий год. Но теперь, когда всё было позади, приходится расстаться с Роном и Гарри.

А тем временем мистер Уизли с гордостью продемонстрировал устроенный им портал для возвращения Грейнджеров домой – пустую помятую банку из-под пива, найденную им где-то на магловской улице, и с большой охотой сам отправился их сопровождать.

Ещё мгновение и... Всё... Они перенеслись в пространстве. Туда, куда и был нацелен портал.

Кикимер, стоя на цыпочках в кухне, с интересом провожая гостей взглядом, а затем сам исчез в кухне. Его ждала на кухне куча грязной посуды. А ещё... Он первый раз сегодня познакомился с маглами. Ранее ему только приходилось слышать о них от своей старой хозяйки Блэк, и от её портрета, который висел в холле дома на улице Гримо.

Возвращение Гермионы и Легенда о спасительной Кентле

Прошло несколько томительных дней, и Гермиона снова появилась в Норе. К великой радости Рона. Он уже и не надеялся, что она объявится так рано.

В это утро, когда Гарри спустился вниз, стало понятно, что не он первый встал в такой ранний час. На столе на кухне были разложены несколько книг Гермионы, как догадался Гарри. Никому другому, похоже, они не могли принадлежать. Причём, всё это очень напомнило библиотеку, а точнее, стол в школьной библиотеке Хогвартса. Тогда еще в школьные времена. Обычно Гермиона обкладывалась множеством книг и неустанно читала и листала их, пусть даже они и не относились к заданному уроку или эссе в гостиной в Гриффиндорской башне, но сейчас Гарри почему-то припомнилась именно такая пугающая его ранее «книжное хранилище». Вот и этим утром Гарри удивился, завидев, столь «древнее» для себя зрелище, ибо вот уже как год с лишним Гермиона не выполняла никаких уроков и не посещала школу. Как и ее Рон и сам Гарри.

Гарри медленно и осторожно подошёл к столу, разглядывая более внимательно шрифты на страницах. Рядом в комнате никого не было. Не было и самой Гермионы!

«Интересно, куда она подевалась?» – Подумал Гарри и посмотрел в одну и открытых книг. – «Чем она теперь увлечена?»

Гермиона всегда много читала везде и всегда. И даже не расставалась с книгами и в выходные дни. Но по своему обыкновению, в «Норе» она редко предавалась этому занятию.

«Каникулы, как ни как!» – говорил про это совсем еще недавно Рон. – «Но теперь она вообще ничего не читает. То есть, совсем мало и, наверное, и то перед сном. А для Гермионы это считай вообще „ничего“! Хотя и кучи новых учебников у нее нет».

Гарри тогда согласился.

«Обычно она читала купленные новые учебники для предстоящего года обучения», – отвечал на это он, – «Вот если б они появились, так Гермиона сразу решиться все их прочитать!»

«По правде говоря, мне не хватает библиотеки Хогвартса», – говорила Гермиона, когда Рон пытался указать на отклонение от ее привычки, думая, что та подтвердит версию Рона – все книги не для меня, но подобного ответа к своему разочарованию Рон никогда не получил. – «А те книги, что у меня есть, я уже давно прочитала! И кстати, Рон, тебе и Гарри тоже не помешало бы хоть чуточку уделять часть своего времени чтению!»

После такого требования Рон замолкал и больше не возвращался к этой теме. Что-что, а читать он не любил. Это навевало на него скуку, да и мысли постоянно сбивались. Гарри понимал друга. При такой отличной погоде и беззаботной обстановке, царящей в доме, хотелось предаваться играм и отдыху, а никак не повторению уроков.

Но сейчас все было иначе – по всему виду, было похоже на то, что Гермиона над чем-то работала.

«Это опять про домовых эльфов? Кажется, материал неподходящий» – решил Гарри...

Тут и появилась в маленькой кухне и сама Гермиона. Заметила Гарри, подошла ближе к своим книгам и неуверенно вымолвила:

– Гарри? Хорошо, что ты здесь. Я хотела тебе кое-что зачитать! То есть я и раньше планировала, но хотела еще сама убедиться во всем.

Видя не понимающий взгляд Гарри, она довольно хмыкнула и сказала:

– Пожалуй, лучше начать с этого! Вот прочитай это. И полностью. Самое любопытное почти в конце.

Гарри погрузился в предложенное ему чтение.

А тем временем вскоре в комнате появились Рон и Джинни. Но это произошло спустя несколько минут...

А начиналось все это повествование довольно пространно и безрассудно. Слишком похоже на очередной учебник «Истории Магии». Но с каждым новым словом появлялось что-то новое, едва осязаемое и притягательное. А потом и вовсе – захватывающее!

«Неужели, это и взаправду возможно?» – Готов был воскликнуть Гарри, дочитав до второй странице. Или нет? Все это просто чтение, обман? Надежда всегда была сильнее всех других предрассудков даже в мире магов.

А текст в своем невинном изложении и правильном начале гласил вполне обыденную для любой школьной книги историю и скрытую мораль. Но только в начале.

В далекие предалекие времена, когда чародеи, маги, целители и простые люди жили рука о руку в мире и согласии, наука волшебства ценилась более всего. Маги и колдуны проводили свои жизни в поисках мудрости и нового волшебства в необъятном океане вселенной. Без усталости трудились бессонными ночами и знойными днями, что бы развить магию и принести его в дар человечеству. И направить этот дар во благо. Ибо в этом и было предназначение магов в мире людей, способных совершать чудесные вещи – творить волшебство. Ибо так это звалось всегда. И в наши годы – тоже. Маги записывали свои достижения и открытые чары в толстые фолианты пергаментных книг. И до наших времен они, как и их создатели, превратятся в прах и унесут отпечаток руки своего автора в небытие. Да, как и древние языки, и знаки письменности тоже никогда не прозвучать в теперешнем воздухе и не появятся на свежих душистых листах пергамента. Только тот, кто достигнет поистине колоссального успеха в своих магических начинаниях, сможет оставить послание, просвещенным в магию потомкам человечества, и поведать тайны канувших в ночь предалеких эпох.

Чародеи и целители, травники и мастера ремесел передавали знания своим детям и ученикам. И любой желающий мог выбрать себе занятие во желание и устремлению и по способностям своим. Все с радостью делились своими умениями, ибо всем главенствовала единая общая цель – благо для всего волшебного и не волшебного миров.

И всем жилось хорошо тогда. Не то, что теперь или в последующие ставшими кровавыми эпохи, обросшие корыстью и стремлением к власти, дарующей богатство. Тогда опытные мастера своего искусства и сильные маги стали сторониться некоторых магов, выбирать себе учеников, последователей из только тех, кто действительно хотел и стремился продолжать единую великую их идею. Именно с этих пор заложились недоверие и подозрительность между магами, мастерами и простыми людьми, посвященными в тайны существования магов. Одни хотели последовать путем своих опытных соседей, другие – наоборот, не хотели признавать их цель, а третьи вообще стали сторониться и тех и других.

Но с течением бесконечной ленты времени нашлись и те, кто полученные знания и уроки чародейства стал использовать в темных делах. Что бы заполучить желаемую корыстным сердцем «Власть». И первым делом, над самими незащищенным слоем общества – обыкновенными людьми. Тогда и раскололись чародеи на белых и темных магов. Тогда пришлось им оберегать и таить знания своих предков, и все на земле изменилось в худшую сторону. А обычные люди для спасения себя и своих детей, потомков отделились в единственную защиту, веру в безопасность, которую могло только дать одна каста – Церковь.

Церковь стала их надеждой, а инквизиция – орудием, которым священнослужители должны были уничтожить темное зло на Земле. Но как сами люди, не разбирающиеся в магии, будут отличать это зло от добродетели белых волшебников?

Так появился раскол и между людьми и магами. Инквизиция положила раскол и здесь. Даже если светлые маги могли помочь людям делали они это неохотно, так как после на их деяния являлись слепые инквизиторы. Отныне и после это событие было отмечено в магических книгах, летописях и даже законах! Ибо произошел раскол между мирами. А жаждущие власти и богатств, все только больше подливали масла в огонь, ибо хотели и среди магов большего – богатств невиданных и других людских грехов и видели людей своими рабами...

Далее текст на странице заканчивался, но прежде чем перейти к следующей странице, на глаза Гарри попала одна странная деталь. Он так внимательно читал эту «легенду», так глубоко был погружен в чтение довольно причудливого шрифта и осмысливания всего этого материала, что сразу не заметил «это». Из корешка книги торчали маленькие неровные обрывки бумаги, едва заметные, крохотные кусочки пергамента. Гарри провел по ним пальцем, словно желая поверить в увиденное в книге. Здесь не хватало одной страницы. Она была вырвана из книги. Но кто сделал это? Гарри поднял вопросительно глаза на Гермину. Она проследила за его манипуляциями и сразу же сказала:

– Да, я тоже обратила на это внимание. Так было с самого начала. – Гермину пожалала плечами и добавила: – Интересно, что было написано на вырванном листе? И кто его вырвал?

– Это могло быть и не случайностью. – Сказал Гарри. – Возможно, там говорилось о чем-нибудь важном.

– Вот именно! Это то и мне пришло в голову. Но теперь наверняка этого не узнаешь. Ведь теперь этого не разузнать!

Гарри припомнил, как он или Рон иногда вырывали необходимую им для урока или выполнения домашнего задания страницу из учебника или библиотечной книги. Эти случаи были довольно редки. Тогда они вызывали у Гарри чувство маленького озорства или шалости, безобидная пакость или даже игра. Сейчас, глядя в книгу, Гарри отнесся к этому по-другому, более строго.

– Читай дальше. Там будет описаны более важные вещи. – Сказала Гермину. – Ты просто читай!

Гарри снова обратился к старой книге. «Что он должен прочитать в ней сам? Чего он, Гарри, еще не увидел?»

Пространственное изречение и даже больше философское, нежели практическое. Но дальше письма раскрывали более интересное слово:

...то безграничная материя, не каждому податливая и опасная, сможет вернуть течение и «Самого времени» назад и тут все зависит от силы и способностей самого мага. И его познаний. Ибо и корень всего будущего и всех событий, должных свершиться, кроется и в неосознанных знаниях и учености волшебника!

И тоже оставил свое наследие. Но у него было мало последователей. Впрочем, в этом был виноват и сам маг. Отчасти характером был сложен, отчасти своим нравственным приверженностью к науке, как к наиверховному божеству. Но об этом судачили другие изыскатели знаний. И в чем-то они были правы, а где-то и перегибали палку в своей критике.

А изыскатель истинного времени, истиной жизни. Волшебной, магической, коей и должна являться она перед настоящим магом, пал вдруг под недугом и все больше времени проводил в одиночестве. Но не пал он под его бременем на закате изыскания своего. Он повернул время, такое могущественное надо всем и каждым, в свои желания и канул бесследно. Но тем больше обросло и это события слухами и легендами. Говорили, что вернулся он в свое счастливое время, что изменил события и поступки, кои возжелались его сердцу, и вовсе оставил счастливый миг времени, создав бесконечный рай для себя и его близких. Поэтому и не было более упоминания его имени в хроника событий...

Оставил лишь след в научных трудах и изысканиях всей своей жизни. Но все они были ничто по сравнению с его главной тайной, главного венца творения... Много последователей верных и корыстных пытались найти ответ среди великого множества трудов, но только один знал его кроме самого «мастера».

Ибо оставил он единственному ученику, наследнику своих учений. И с его слов приводится упоминание в сей книге следующее изречение, «секрет труда»:

В полнолуние и в полночь приготовь отвар бутонов,
Полных светом под луной и наполненных зеленым,
синим цветом над собой.
Кентлой тот цветок зовется и со временем сплетется
С прошлым приготовленный отвар
Далеко, как ни желай, только нужно для него
Пара горсточек еще укрепляющего зелья,
А потом прочесть его, то что сделала ты все!..

Гарри прочитал незаконченный обрывок предложения, идущего на следующем листе.

«Довольно непонятная фраза или высказывание?..»

– Это же рецепт! – Догадался Гарри. – Дальше описан на этой вот странице самый обычный рецепт, скажем, как для урока «зельеварения»! Я это уж точно вижу. Разве не так, Гермиона?

– Да, и ты тоже так же подумал! – Гермиона покачала головой и тут же добавила: – Я тоже так решила. Было бы глупо это отрицать!

– Значит, ты согласна? Это действительно так?

– Само собой! Даже ты в этом уверен!

Гарри немного растерялся от этих слов Гермионы, но тут же искренне ответил:

– Я рад, что узнал хоть что-то по-настоящему важное в этой всей истории. Ведь именно это и является самым ценным, да?

– Думаю, что да! – Ответила Гермиона. – Рецепт, каким бы он не был замысловатым или простым – важнейшее всего целого рассказа!

После всего услышанного и прочитаемого Джинни сказала:

– А меня очень волнует, что же было на недостающей, и кажется вырванной странице? Возможно, там кроются более ценные данные? И даже опасные!

– И опасные? То есть, чему еще волноваться, если только книга не говорит об рискованных вещах? – Спросил Гарри. – Ты хочешь сказать, что все это рискованно?

– Да! – Коротко отрубила Джинни. – Нельзя доверять никакой книге, тем более заколдованной чарами! А тут и без них скорее всего не обошлось!

– Она зачарована? – Пугающим шепотом спросил Рон. Джинни словно не расслышала его вопрос.

– Но ведь там ничего особенного не написано. – Сказал Гарри. – Ничего волшебного! Ни чар, ни заклятий. Вообще – ничего. Только легенда о маге, покорившем себе прошлое! То есть, время! И то как безликое существою...

– Согласна с тобой. Но в этом повествовании или даже заклинание или рецепте не хватает кое-чего. Всего лишь малости – еще одной страницы! – Сказала скептически Джинни.

Гермиона встала на ее сторону, но была не так уверена в ее словах:

– Да, это верно. Ты и сам это заметил, Гарри. В повествование не достает листа! Может это самый важный текст во всей книге? Ведь управлять временем не так и просто. Даже не возможно. Тут есть и свои трудности. Но в книге и нет ни слова об этом. А тем временем этот маг из повествования справился даже с этим! Что же он сделал такого особенного, что не мог

никто после? И тут же не хватает одного листа! Может, именно с ним и связано это? Так удобно убрать самое важное из заклинания просто вырвав листочек пергамента!

– Вот именно! На недостающем листе можно много понаписать, и про время и про магов, про всех вообще если хочешь!

– Ты думаешь... То есть, это связано с текстом в книжке? В той недостающей странице?.. – Рон просто говорил то, что первое ему пришло в голову и отчасти Гарри был с ним согласен.

– Поэтому ее некто и вырвал из книги? Например, из благих целей? Чтобы она не попала в дурные руки ... – Гарри нутром почувствовал, то, что испытала Джинни – предчувствие опасности, легкий аромат едва осязаемого страха! С другой стороны, в последнее время, когда тяжкое бремя позади, Гарри мог и ошибаться, ведь присутствие враждебного заговора могло войти и в «привычку», в инстинкт самосохранения...

Гарри подумал, что, скорее всего, Джинни права. Но, тут же, еще более противоречивая, мысль возникла у него в голове: что бы важная информация не попала, скажем, к «Пожира-телям смерти», ее надо вообще уничтожить, всю полностью. То есть сжечь всю книгу целиком, или запрятать так далеко и хорошо, что б никто из темных магов ее не нашел никогда. А тут неизвестный уничтожил всего лишь один лист. И именно в той легенде, которая обратила на себя внимание Гермионы. Может предыдущему владельцу книга была очень дорога, что бы уничтожить ее всю или он понимал, что важна именно эта страница?

– А я сомневаюсь в этом. Сомневаюсь, что на пропавшем листе было написано важное. – Сказал неряшливо Рон. – Посмотри, о чем тут пишется в начале. Да «белиберда» какая-то. Жил-был такой-то маг, он делал то-то и то-то, изобрел то-то и еще что-то! Ничего особенно мы там не потеряли! Намного важнее сам его рецепт! Он и даже ему особой важности не предал. Упомянул его вскользь. И то хорошо, что и его написал! И то это надо проверить.

Заговорщики или новый план действия

Заказ по книгам и травяным зельям и сборам, был отправлен с Сычеком, маленькой совой Рона, в книжную и аптечную лавки в косом переулке, благо Рон, был только рад услужить Гермионе и отправить свою сову по её просьбе. А сразу после возвращения Гермиона послала ещё одно новое письмо-заказ в другой книжный магазин, рекламу которого вычитала в свежем номере «садоводство сегодня».

Гарри огляделся, заметил Гермиону и спросил:
– Что не так? Зачем ты меня позвала сюда?

Гарри осекся и замер около Гермионы, но та лишь беззвучно и указала глазами на свои руки. В них и таилось самое главное, что взбудоражило все мысли Гарри, его фантазии и горькие воспоминания, всколыхнуло новую волну надежды и стремления действовать. Гарри сразу узнал эту старую и потрёпанную временем книгу. Это была та самая книга, в которой и говорилось обо всём «том» что насторожило Гермиону и взбудоражило Гарри! О самом сложном и непредсказуемом заклинании! Но все равно... Это было самым лучшим заклинанием, которое когда-либо Гарри изучал в Хогвартсе, и самым желанным. В тоже время Гарри понимал, что если это-то не получится, то тогда душевная боль будет посильнее или при его подорванном эмоциональном состоянии – нервным и очень тяжёлым потрясением, но не воспользоваться «даром» этой книги, даром судьбы или какой-то неведомой силы было ещё тяжелее. Это преследовало бы Гарри всю его жизнь. И сейчас он собирался действовать, а рядом были его верные друзья, готовые в очередной раз отдаться его делу. Их помощь Гарри была необходима. Чувство, что они рядом придавало Гарри сил.

– Здесь не место. – Шепнула Гермиона и указала глазами на заднюю дверь. Гарри последовал во двор. Гермиона не отставала.

– Все уже собрались. – Сказала она, ведя Гарри за старый сарай.

Ребята решили обсудить, что делать им дальше. Как получить и реализовать то, о чём говорилось в книге Гермионы. Поэтому Гарри, Джинни, Рон и Гермиона поспешили укрыться подальше от случайных взглядов или ушей на заднем дворе дома, за старым сараем, у которого стоял покосившийся деревянный стол и несколько пустых бочек, служивших стульями. Таким образом, расслышать беседу из окон «Норы» было почти невозможно. Заняв свои места за «столом», ребята с суровым видом взирали то на Гарри, то на книгу в руках Гермионы. Рон обернулся, проверяя, не последовал ли ещё кто-то за ними, например домовый эльф или какой-нибудь наглый и бесстрашный садовый гном. Но за ними никто не увязался.

Это собрание больше походило на заговор или на обсуждение тайного замысла. Почти как сбор «Ордена Феникса». Все уже были ознакомлены в тайну растения Кентлы и к желанию Гарри вернуть к жизни если не своего крёстного отца, то хотя бы Фреда, Люпина и Тонкс, и, возможно, «грозного глаза». А это зависело только от способности волшебного цветка, так как смерти этих дорогих людей разделяло только время. И время достаточно отдалённое. Если чар отвара не хватит, отмотать это самое время до момента смерти Сириуса, придётся действовать в недалёком прошлом, а, значит, Фреда и Люпина с Тонкс вернуть к жизни больше шансов. И в то же время, Гарри понимал, что промедление в день или неделю, а для сбора бутон Кентлы, и в месяц, всё больше отодвигало назад, убивало шанс вернуть Сириуса! Именно сейчас предстояло решить, что и как сделать. И без помощи Гермионы, знающей несомненно больше всех из них чар, Джинни, которая была талантливым и сильным магом, чьи заклинания были сильнее всех, и Рон, чьё мнение и преданность помогали и направляли Гарри на истин-

ный путь! Это всё было очень важно. Все они были верны Гарри, заодно с ним и стремились к тому, к чему и сам Гарри.

Гермиона сжала принесённую книжку руками и сказала:

– Всем вам известно, о чём говорить здесь. Пришло время узнать мнение всех, не только моё и Гарри. Может кто передумал или может сказать что-то новое? Любой аргумент имеет право быть.

Гарри очень хотел верить в написанное, верить и знать, что ещё можно что-то сделать, что бы поменять сегодняшнюю действительность в лучшую сторону. Подвергать сомнению или недоверию содержание текста, Гарри не хотел и не мог. Ведь тогда бы его замучило бы чувство предательства и вины за то, что он не воспользовался шансом, дарованный ему. Именно это он хотел сказать, но вышло чуть неуклюже и совсем не так.

– Я рискну в любом случае! – Воскликнул с горячностью Гарри, не дожидаясь слов кого-либо из друзей. – Даже если всё это не сработает. Я хочу попытаться... и, отношусь к этому очень серьёзно!

– Я тоже верю в «это». – Сказала Джинни. – В то о чем говорится в книге.

– И я. – Тут же отозвался Рон.

– Тогда отлично! Сделаем это – то о чём там рассказывается, все по порядку! – Сказал воодушевлённый поддержкой Гарри.

– Ага. – Кивнул Рон.

– Надо в точности придерживаться рецепта зелья и у нас всё получится. – Сказала Джинни.

Гермиона чуть надвинулась над столом и произнесла пониженным голосом:

– Всем необходимо помнить, что если всё, о чём я тут прочла, сильная магия и она работает, то... нельзя никому говорить о книге или о его содержании. Эту книгу надо оберегать! Она не должна попасть в чужие руки и, главное, если сохранились и другие её экземпляры – это очень опасно для всех! Не только для нас и Гарри!

Рон удивлённо спросил:

– Ты про что, Гермиона? Ведь если всё это правда, это только хорошо! Мы оживим Фреда и других! Разве не так?

Гермиона кивнула, все устремили на неё свои взгляды, но Джинни посмотрела на Гарри. Её серьёзный взгляд говорил о том, что она знает или понимает, что сейчас скажет Гермиона и, пожалуй, была обеспокоена поведением Гарри после предстоящих слов Гермионы.

– Да, Рон, это всё точно так! И это всё так же и значит, что... – Она ещё ниже склонилась над столом и совсем тихо прошептала:

– ... Можно вернуть Волан де Морта и любого из «пожирателей смерти»!

Рот Рона так и открылся и замер, а дыхание замедлилось. Гарри не приходила эта мысль ни разу, с того момента, когда он узнал про действие Кентлы, но теперь он не сомневался, что Гермиона несомненно права. Ведь это было настолько очевидным!

– Всё надо хранить в строгом секрете! В тайне! Надо вести себя как «ни в чём не бывало». Нельзя и торопиться и даже задать какой-либо наводящий вопрос на мысль о «воскрешении» кому-либо! Иначе это может навести на мысли, что нам что-то известно...

– Большинство «пожирателей» пойманы! – Сказал Гарри.

– Этого никто точно не знает! – Сказала Гермиона. – Но, если вспомнить прошлое, то никто из них и не знает о... «растении». Ведь, тогда бы они вернули Волан де Морта ещё ранее, верно?

Рон энергично закивал.

– И к тому же, Рон, облавы на прислужников Волан де Морта всё ещё продолжаются!

Гарри сказал:

– Точно! Но мы и так никому не собираемся говорить о... «вы сами понимаете о чём».

– Хорошо. Давайте это и будем так называть. – Сказал Рон. – Правда, это похоже на «сами знаете кого»...

Предложение Рона было встречено равнодушно и холодно.

– Надо сохранить книгу в тайне ото всех. – Отозвалась более спокойным тоном Джинни. – Она не должна вообще никому попасться на глаза. Мало ли кто решится воспользоваться чарами или прочитать что-нибудь из нее?

– Отлично. – Сказал Рон. – Гермиона сможет спрятать книгу лучше всех!

– А в самой книге не может быть подвоха? Как в дневнике Редла? – Спросила вдруг Джинни.

– Нет, не думаю! Я подвергла его проверяющими и избличающими чарами. И ничего в самой книжке не спрятано ни магического, ни магловского. Это только бумага и текст написанный чернилами. К тому же, она не ведёт себя как кристраж.

– Значит, серьёзного риска в ней нет. – Сказал Гарри, указывая на книгу рукой. – Надо попытаться применить эту магию, эти чары. Я на это пойду при любом раскладе. Остается только одна непростая задача! Достать то, о чём говорится на этих страницах, добыть растение Кентлу!

– Ну, мы, наверное, сможем её купить в косом переулке или ещё где-нибудь, например, у маглов. Ведь у них тоже есть магазины по травам! – Сказал Рон.

– Такого названия нет у маглов. – Сказал Гермиона. – Я попросила родителей купить этот травяной сбор в аптеке, именно так это называется, Рон, у маглов. – Тон Гермионы говорил, тебе надо было бы ходить на урок «изучение маглов» в Хогвартсе. – В аптечной лавке в косой аллее, я заказала любой отвар Кентлы или настойку какой только у них есть или сушённый порошок и... – Суровый и разочарованный жест, качание головой – Они ответили мне, что никогда не слышали об этом названии растения... Это как-то совсем странно, не правда ли?

– Её нет в магазинах? – Изумился Рон. – Что же это тогда такое?

Гарри понурился и выглядел теперь расстроенным. О попытках Гермионы заполучить то, что надо для зелья, он узнал ещё утром, а ответ на письма с совой – только сейчас. А эти неудачи говорили о сложности всего этого дела. В сложности, которого Гарри и так не сомневался. Но проблемы уже сейчас, когда они даже еще не приступили к приготовлению зелья! Это выбивало из колеи.

Все молчали. Рон потупил взгляд в стол и не собирался что-либо больше говорить вообще. Гарри с досадой ударил кулаком по столу. Звук получился глухой и мягкий, словно обессиленный. Его надежды и мечты, которые всё в новых и новых образах являли на свет Сириуса, вдруг затуманились и рухнули в темень досады. Бездонной и такой обыденной и привычной. И нежеланной. Гермиона сказала:

– Но всё же, её можно найти! Я в этом уверена!

Гарри тут же уставился на Гермиону, не замечая реакции на эти её слова Рона и Джинни.

– Вот здесь упоминается, что Кентлы разводили и в замке Хогвартс. В больших количествах. В нашей школе! – Гермиона подняла книгу со стола. – Думаю, что и теперь она могла остаться в школьных теплицах. Да и школа всегда стремилась сохранять и рассаживать редкие виды растений! И, конечно, преподаватели по «травологии» продолжали их выращивать.

– Об этом говорила и мадам Стебль. – Сказал Рон. – На уроках о сохранение волшебных растений.

– Значит, надо поискать Кентлу в Хогвартсе! Отлично! – Сказал Гарри. – Но как мы туда попадём? То есть, ведь теперь мы не школьники.

– Да, в этом и состоит первый вопрос. Второй – как её найти. Оба вопроса взаимосвязаны. Если мы напрямую скажем кому-нибудь из учителей, к примеру, профессору Стебль, что нам нужен цветок Кентлы, то вторая проблема – отпадает. – Сказала Гермиона.

– Что-то я не припомню, что бы нам на уроках рассказывали о ней. О Кентле. – Сказал Рон. – Зачем выращивать то, что не нужно для школы? Ведь на уроках нам про нее не рассказывали, правда?

– На седьмом курсе... – Сказал возбуждённо Гарри. – Очень кто редко на седьмом курсе выбирает «травологию». Вот тогда на каком-нибудь уроке может и рассказывается о ней? Конечно, не всё, что написано к книжке Гермионы. Только самая малость или ещё что-нибудь, что могло и не попасть в книгу.

Гермиона замотала головой, при этом её волосы немного взлохматились:

– Нет и нет! Я читала этот учебник, и в нём нет ни слова о Кентле или чего-нибудь даже похожего на неё.

Рон с восхищением посмотрел на Гермиону:

– Когда же ты успела?!

– Я сразу же заказала книгу с совой и прочитала её. Там много чего интересного, но это уже не магия, а просто описания растений. Редких и смертоносных и, вообще, редко кем виданных. – Ответила Гермиона, польщённая словами Рона, ибо в его голосе звучали нотки неподдельного восхищения, восторга и нежности, как если б он говорил: это моя Гермиона, моя девушка!

– В Хогвартсе, между прочим, одни из лучших теплиц в Англии! Пожалуй, даже, это единственное место, где собрано столько магических растений в одном месте. Так что, если и искать «Кентлу», то Хогвартс никак нельзя обойти стороной!

Гарри задумался. Он пытался припомнить теплицы, в которых проходили уроки. Закрытые теплицы, к которым было запрещено приближаться и тем более входить, хотя они и так были заперты на ключ или чары. Пару раз он с Роном прижимались к стеклу окна одной из них в попытке разглядеть, что же такое там растёт внутри: гигантский цветок-убийца или какой-нибудь «очень ядовитый» плющ?

– И там могла оказаться Кента? – Спросил Гарри. – То есть, расти в теплице, и мы об этом и даже не знали?!

– Конечно, ведь ее и раньше там выращивали! – Воскликнул Рон. – А как мы могли бы об этом узнать? Это было просто не возможно: ведь мы были ещё... – Он запнулся и спустя мгновение добавил:

– Да и ночью в полнолуние надо находиться около растения.

– Конечно, – Сказала Гермиона. – Никто не проводит уроков по ночам в теплицах. Уроки астрономии – другое дело, да и проходят он на самой верней площадке башни астрономии. Поэтому никто не обратил бы особого внимания на этот вялый цветок, ведь бутоны его распускаются только в полнолуние и именно ночью! И даже если мадам Стебль и знает, что где-то там и растёт Кентла, может не придавать ей должного внимания или... Наоборот. Она и охраняет его от внешнего мира, от магловского или скорее всего волшебного! Ведь тайна цветка если кому и известна, то уж ей точно! Неважно, как и от кого, но если растение ещё в школе, а в этом я не сомневаюсь, то мадам Стебль известно, что «это»! Зачем или об исключительных свойствах может и нет...

– С Хогвартса и надо начинать поиски! – Сказала Джинни.

– Тогда... – Гарри пытался продолжить, спланировать дальнейшую нить, ведущую к желанной цели. – Тогда, может, попросить мадам Стебль? Она боролась со всеми нами против армии Волан де Морта, и я доверяю ей. Не сомневаюсь, что и она отнесётся к моей просьбе с пониманием и даст цветки Кентлы! Разве не так? Вы как считаете?

Гарри был уверен в своих словах и искал поддержки этой идеи у Гермионы, уставившись вопросительно на неё.

– Но тогда придется сказать ей, что бы она сорвала бутоны при свете полной луны! – Сказала нарочито серьёзно Гермиона. – Тогда потребуется достаточное убедительное объяснение этому требованию. Или самим напроситься разрешения находится в теплице в полнолуние.

– Отлично, можно рассказать об этой книге мадам Стебль. – Предложил Гарри. – И это решит эти проблемы, верно?

– Тогда, она получится втянутой во всё это!

Рон нахмурился.

– Не стал бы я надеяться на доброту и на понимание мадам Стебль. – Высказал своё мнение Рон. – Она довольно серьёзно относится к своим растениям. Совсем помешалась на них. И не очень я на ней надеюсь. Только посмеётся над нами. Да и над всей этой идеей. Да и ещё обзовёт нас тёмными магами!

Рон посмотрел на Гарри.

– Сам я, конечно, согласен с Гарри, но вдруг Стебль, ну или кто-то другой, будут другого мнения.

– Мы ей не скажем. – Сказала Гермиона. – И никому не скажем. Пусть никто об этом не знает и, вообще, никогда не узнает. Так лучше всего.

– Интересно, это как? – Задумался Рон и весело добавил: – Дайте нам, пожалуйста, вот этот «цветочек». Но мы не можем сказать зачем!

– Ну, что-то вроде этого, нам не подойдёт. – Сказал Гарри. – Нужно действовать самим.

– Так не пойдёт. Кентла, довольно, редкое и, поэтому, запрещённое растение. И доступ к нему – закрыт! По крайней мере, нам на уроках ничего про этот цветок не говорили вообще! Да и не показывали его ни разу. Я думаю, что оно входит в состав большинства зелий тёмной магии. Но напрямую об этом в книге не упоминается. И даже точнее сказать, нигде в книгах. А это наводит на определённые мысли.

– Интересно, Гермиона, на какие же? – Спросил Рон.

– Думаю, будет лучше, если мы «его» сами возьмём и никому не скажем. Я согласна с Гарри. Это дело лучше держать в тайне ото всех.

– Значит, мы придём в гости к Хагриду... – Начал планировать возможные идеи Гарри. – И... – он оглядел друзей. – И потом «заглянем», так скажем, и в теплицы. Под каким-нибудь предлогом. Ну, или вообще тайком. «Мантия» у меня есть.

– Я предлагаю, тайком. – Сказала Гермиона. – И не в гости к Хагриду. Если нас поймают, или даже кто-нибудь заметит, у Хагрида могут быть неприятности.

Гарри задумался. Он понимал, что если и у Хагрида могут возникнуть проблемы, то не такие серьёзные, да если и так, то это того стоило. Ведь смертельной опасности Хагрид не подвергнется, но Гарри также осознавал, что идея Гермионы может быть действеннее и вернее. Гарри подавил в себе желание настоять на своём «плане» и решил получше всё обдумать и прислушаться ко мнению друзей.

– Тайком пробраться в Хогвартс? – Спросил Рон.

– Вот именно, а «мантия-невидимка» в этом нам поможет. С помощью неё мы сможем незамеченными передвигаться по территории школы. – Сказала Гермиона. – И это даёт нам преимущество, шанс, которым мы и воспользуемся.

– Трёх нас мантия не укроет. – Сказал Гарри. – Только двоих. По-любому, мантия просто не сможет укрыть нас всех. Мы подросли за последние пару лет. Тем более Рон. Так что, придётся делать выбор. И, вообще, я не хочу, что бы вы подвергались риску из-за меня.

– Ага! Запел старую песню! – Весело сказал Рон и посмотрел на Гермиону, словно ожидая её поддержки.

– Проблема не в том, что бы решить, кто пойдёт, а кто останется. – Сказала Гермиона. – А – в другом. Замок защищают защитные чары! И между делом, пойду я и Гарри.

– Это, интересно, почему именно ты? – Воспротивился Рон. – Ты же всегда старалась придерживаться правил!

– Потому что, я лучше вас всех знаю чары и заклинания, которые помогут открыть двери и замки и прочее. – Самодовольно сказала Гермиона. – А Гарри. Потому что, он Гарри Поттер.

– Это нечестно! – Воскликнул Рон.

– А как нам попасть на защищённую чарами территорию школы? – Спросил Гарри. – Ведь доступ на неё открыт только в дни посещения деревушки Хохсмит, ну и в день приезда учеников в школу. Мы используем обратное зелье? Ну, или трансгрессируем?

– А кто всё время напоминает нам, что в Хогвартсе нельзя трансгрессировать? – Сказала Гермиона.

– Мы трансгрессируем в Хохсмит! А там придётся что-то придумать, что бы попасть в школу. – Настаивал на своей идее Гарри. Рон и Гермиона молча смотрели на него. Рон почесал себе нос, обмозговывая, план Гарри.

– Да-а. Как мы и сделали в прошлый раз с профессором Дамблдором: трансгрессировали в Хохсмит. Но Хогвартс охраняют защитные чары! Нам не удастся пройти на территорию замка, минуя их просто так. – Сказал Гарри. – Нужно знать контр-заклятия или заклинания, снимающие эти чары!

– Я об этом уже думала: чары может снять только кто-то находящийся в замке...

– Ага – перебил её Рон. – Профессор Мак Гонагал, не могли бы Вы снять защиту с ворот замка, скажем, сегодня вечером? – Пытаясь подражать голосу Гермионы, сказал Рон. Даже Гарри ненароком улыбнулся.

– Давайте попросим Хагрида – он нам не откажет. К тому же он занимает должность лесника и всё ещё преподаёт «уход за магическими существами», разве не так?

– Не думаю, что ему это удастся. Его «волшебная палочка» не справится с этим.

– Я сделаю это!

– Что? – переспросил Гарри. Джинни Уизли смотрела на него своими большими зелёными глазами.

– Я сниму защитные чары и потом верну их обратно, когда вы попадете в замок. С первого сентября я буду учиться в Хогвартсе и времени у меня будет более, чем достаточно. Я смогу выпросить у профессора Флитлика о запирающих ворота замка чарах на уроке по заклинаниям. Я его любимица, и я думаю, он мне не откажет. Сейчас наступили спокойные времена. И к тому же я уверена, что теперь чары устанавливают более слабые, чем раньше, ведь сейчас уже нет Волан де Морта!

Гарри отрицательно замотал головой:

– Это очень уж сложно. Думаю, надо найти что-то по проще.

– Кажется, я придумала! – Просияла Гермиона. – Мы можем воспользоваться каминами, сетью каминов летучего пороха. Надо только раздобыть порошок перемещения.

– Думаю, с этим у нас проблем не будет. – Сказал Гарри. – Его можно купить в любой лавке. Например, в косом переулке. Мне всё равно надо будет зайти в банк Гринготс. Так что, это мне по пути.

– И мне тоже. – Отозвалась Джинни. – Мне надо будет покупать учебники и перья к новому учебному году.

– И между словом, я могу избежать всех ваших проблем и разыскать Кенлу. – Сказала, улыбнувшись, Джинни. – Ведь у меня будет и травология в новом году! – Взгляд в сторону Гарри.

– Учебник по травологии можешь не покупать, я отдам тебе свой. – Сказала Гермиона.

– Точно! – Воскликнул Рон. – Джинни уж точно управится.

Гарри сурово и снова помотал головой.

– Я говорил это и ранее и скажу сейчас: я против этого, Джинни. – Гарри посмотрел на неё и взял её за руку. – Я не могу допустить, что бы ты рисковала своим исключением из школы! – Да и как бы на это посмотрели миссис и мистер Уизли: если б по вине Гарри, по его идее, возможно, нерациональной и ошибочной, их дочь исключили из школы и на последнем курсе обучения!

– Это и моё дело тоже! – Сказала Джинни. – И ничем особенным я не рискую.

Гарри снова замотал головой и чуть сильнее сжал руку Джинни.

– Это не допустимо! И я не могу тебе это разрешить!

– Не надо только меня надоумливать, что мне можно, а что нет: я взрослая девочка! – Она ухмыльнулась и второй ладонью накрыла ладонь Гарри. – И даже ты мне не указ!

– Ну, тогда этот вопрос можно считать закрытым! – Сказал Рон. Гарри злостно посмотрел на Рона, как будто увидел его в первый раз и выдернул руку из объятий Джинни.

– Но вы не понимаете!..

– Наоборот. – Сказала Джинни. – Мы как раз всё и понимаем лучше кого-либо. Поэтому мы все и здесь. И хотим помочь. А то, что ты называешь «исключением из школы» – всего лишь «ничего» вообще ни для меня, ни для школы. Даже жертвой это бы я не назвала!

Гарри уставился в стол. Конечно, Джинни права. Это ничто по сравнению с результатом, которого они достигнут. И в тоже время понимал, что сама Джинни не считает исключением из школы таким и пустяком, каким и называет его сейчас. Но она уже победила, одержала верх в этом споре. И погляди сейчас Гарри на неё, капитуляция была бы незамедлительной и ясной для всех и с его стороны. И всё же сил противиться у Гарри не было, как и стремления отказаться от всей затеи. Он и сам ни раз вместе с Роном и Гермионой нарушали школьные правила. Да и Джинни и её друзья тоже, если вспомнить весь прошлый год Джинни в школе. На этом собрании было прервано, так как из-за сарая появилась миссис Уизли и облегчённо, вздохнув, возгласила:

– Ах, вот вы где, Рон! Я хотела тебя попросить прополоть грядки. Моя волшебная мотыга начала барахлить – молотит по всему подряд, не разбирая ни капусту, ни сорняков. Всё под одну гребёнку! Придётся делать эту работу вручную!

Рон с тяжёлым вздохом встал с бочки и с надеждой посмотрел на Гарри и Гермиону.

– Ну, и отлично! А меня ещё ждут и другие дела! – Сказала миссис Уизли и направилась прочь. Гарри задумался и погрузился в себя. Гермиона направилась следом за Роном.

– Я помогу тебе, Рон.

Тот встретил её слова довольной улыбкой.

– Похоже, мы так и не пришли к единому мнению. – Сказал Гарри. – Ничего и не решили толком.

– Напротив, Гарри. – Улыбнулась Джинни. – «Наш совет» наметил план действия. Конечно, нас прервали, но кое-какие разногласия мы уже поборол. Нужно только дождаться новостей из магазинов по травам. Возможно в них и найдется тот самый цветок, который так нам необходим!

Гарри интересовался у Гермионы ее изысканиями в данном вопросе, другие ингредиенты были в «изобилии»! А вот встал вопрос о неожиданной проблеме купить необходимые для «Этого» зелья бутоны Кентлы. Но и эти новости не порадовали Гарри. Надежда еще была – Гермиона послала несколько запросов сразу с разными совами. Именно этих ответов и оставалось ждать Гарри... Но истинного названия до буквы – ни у кого не было, ни один маг из лавочек и магазинчиков не знал Кентлу...

Гермионе прислали из кособокого переулка, из аптечной лавки несколько стеблей и бутонов высушенных растений, упакованных в грубую толстую бумагу и одну небольшую склянку. Пусть поздно и с опозданием, ведь до этого момента из этого же магазина продавец присылал

письмо, где говорил, что ничего подходящего у него нет. Когда следующим утром ребята снова уединились в комнате Рона, ставшим уже давно негласным штабом всех обсуждений тайных заговоров, вторым, после сарая на заднем дворе, Гермiona продемонстрировала им свои приобретения.

– Это – Кентакула. – Сказала Гермiona. Её короткие и осторожные намёки за завтраком, так что бы никто непосвященный не догадался, дали Гарри новый энтузиазм и рвение, надежду на успех предполагаемого дела. Поэтому он очень быстро покончил с трапезой и удалился ждать остальных. Они не заставили себя долго ждать, чему Гарри был только рад и благодарен им. Вот теперь всем и предстояло ознакомиться с новыми новостями и идейными направлениями для достижения общей цели. Именно этим и явилось заявление Гермiony, продемонстрировавшей всем Кентакулу. Или точнее сказать то, что было когда-то её частью.

– «Ядовитая Кентакула»? – Удивился Рон, разглядывая уже с опаской баночку, в которой покоился бутон с листочками.

– Да, Рон. Удивительно, что ты её запомнил!

– Ещё бы! Такое опасное растение я вообще никогда не забуду! Но мне казалось, что нужный нам цветок зовётся по-другому! Или ты его уменьшительным именем называла?

– Не болтай ерунды, Рон. Само собой, я не стала бы, называть не так названия важного ингредиента для зелья. Да – это зовётся по-другому. Дело в том, что название со временем могло измениться, как меняется и наш язык. Есть древнее наречие, на котором говорили наши древние предки. Есть мёртвый язык! На нём уже никто не говорит, и со временем, и знатоков уже не останешься...

– Какой, какой? – Недоверчиво её перебил Рон. Гермiona не заметила его возмущения.

– Есть руны, которые сейчас используются только избранными магами. А им предшествовали так называемые «древние руны!» Всё меняется со временем. Люди, само время и эпоха...

– Ты хочешь сказать. – Согласно кивнул Гарри. – Что в то время, когда писалась книга, Кентлой называлась Кентакула?

– Хочу! А почему бы и нет! Ведь корень этих слов одинаков. И даже если это и разные растения, то вид у них один. По крайней мере, это очень похоже на это.

– Ну, ты и загнула, Гермiona! – Восторженно воскликнул Рон. – Как тут можно что-то понять, если кругом такая муть! Древние руны, общий вид и ещё там что-то неясное...

– Тогда это растение могло называться по-другому. Во всём косом переулке никто не слышал о «Кентле». А это очень странно. Книга могла повторить ещё более ранее издания и названия растения. Да и год напечатания самой книге нам точно не известен. Таким образом, точную эпоху, когда это название было в обиходе, узнать нельзя.

– Но я помню «ядовитую кентакулу» по урокам травологии! – Сказал Рон. – Не похоже, что бы она светилась ночью. Она только и хотела укусить меня за руку! Ну и Гарри само собой тоже. Ведь мы её оба держали, и доставали плоды. В книге ведь ничего про кусачесть не сказано? Или оно тоже изменило свой характер и стало нападать на магов? – В последней фразе Рона раздались звонкие весёлые нотки, но недоверие или даже сомнение было ещё звонче. Гермiona подняла брови и посмотрела на Рона:

– Как весело, Рон! – Ответила возмущённым тоном она. – То, что в книге не упоминается, как Кентла напала на тебя на уроке по «травологии» или на Гарри, ещё ничего не значит. А то, что «Кентакула» не светится зелёным свечением под светом луны – так этого никто из нас не проверял! Забыл?

Рон ещё высказал несколько недоверчивых реплик, но, всё же, Гарри больше хотел верить Гермione. К тому же, она знала по больше Рона в магических книгах и в самой истории магов. Гарри чихнул. Это вышло самопроизвольно – у Гарри давно уже чесалось в носу. Рон покоился на Гарри. Со стороны могло показаться, что этим жестом Гарри даёт другу знак, что ему лучше положить конец этой небольшой дискуссии между Роном и Гермionой. К тому же

Рон немного позабыл правила той самой книги, которую подарил Гарри на прошлый день его рождения: «Двенадцать правил как получить расположение волшебниц», полученной им ещё ранее от Фреда и Джорджа.

– Простите... – Сказал Гарри. Рон смотрел на него.

– Это всё похоже на правду. – Сказал Гарри. – Я считаю, надо попробовать. Нельзя упускать даже такой шанс. Пусть и маловероятный для нас, но всё же – стоящий.

Рон пожал плечами и сказал:

– В мире волшебников может быть всё! А согласен с тобой, Гарри... И с Гермионой. Ты, Гермиона, никогда не ошибаешься!

Гермиона ответила Рону только улыбкой. Так друзья и решили, что Кентакула, скорее всего и есть то самое растения из давнего придания.

«Почему бы и нет» – думал Гарри. – «В волшебном мире все возможно»!

Оставался только вопрос, не потеряло ли оно своих свойств после того как было сорвано и высушено. Тем не менее, следующее полнолуние ребятам придётся встречать довольно скоро, и Гермиона обещала, как следует подготовиться к этому особому дню и как следует всё ещё проверить. А потом и провести и сам «обряд». Это смелое предложение взволновало Рона пуще каких-либо прежних новостей. Гарри сказал, что если кто и обязан провести этот обряд и должен подвергнуться возможному риску, а возможно, что этот риск и был, то это должен быть только для него, Гарри. Рон тут же запротестовал, сказав, что не покинет друга в тот момент. А Гермиона высказалась так:

– Мы сделаем это все вместе! Мало ли, что стоить ждать от всего этого описанного чада. Да и вдруг что-то пойдёт не так? Тогда моя помощь будет неоценима.

На этом пока и обсуждение плана дальнейших действий и закончилось. Всё магическое действие с этим цветком пройдёт в присутствии всех: Гарри, Рона и Гермионы. И откладывать это дело на долго было нельзя. Поэтому, друзья сразу же и приступили за работу. Джинни тоже не могла остаться в стороне, да и ведь она делила комнату с Гермионой, поэтому узнавала всё раньше Рона или Гарри. По крайней мере, так считал сам Рон. И Гарри с ним был согласен. Ведь Джинни с Гермионой были лучшими подругами на протяжении нескольких лет, и их совместная борьба с силами зла и совместное проживание сделали эту дружбу только сильнее и надёжнее. Да и не могло же быть иначе. Кроме того, обе они были гриффиндорцами! А это, как знали даже самые суровые преподаватели, говорило о преданности и верности в самых опасных и вероломных ситуациях, которых было уже не так уж и мало за последние несколько школьных лет в жизни Джинни!

Рон с глазу на глаз сказал Гарри:

– Вот эта и «книжечницу» раскопала Гермиона! Она – молодец. И эта книга хорошо сохранилась! Если верить дате на обложке... Мой учебник по «трансфигурации для второго курса» и то похуже выглядит. Хотя, я его и читал всего несколько раз и то перед самыми экзаменами. Помнишь?

– Наверное, тут не обошлось без «защитных от обветшания чар». Многие великие и сильные волшебники накладывали их на свои труды, что бы сохранить потомкам. – Сказал в свою очередь Гарри. – Я бы так поступил, если хотел что бы мои труды сохранились лет так через сто.

– Наверное... – Промямлил Рон. – И все же эту книгу кроме Гермионы никто и в руки даже не брал.

Гарри вынужден был согласиться с другом.

Гарри старался не думать о приближении 1 сентября, того дня, когда Джинни уедет в Хогвартс. Он не хотел её отпускать. Эти дни, проведённые вместе с ней в «Норе», казались Гарри самыми счастливыми, и он не хотел лишиться своего счастья именно сейчас, такого недолгого, но и не смел заговорить с ней, Джинни, об этом. Конечно, она должна закончить

свое обучение в школе Хогвартс, и он, Гарри, не должен сбивать её с толку. Да и как бы отнеслись к словам Гарри мистер и миссис Уизли, попроси он её остаться?

Гарри скучал по Хогвартсу и сам, с его холодными коридорами и волшебными портретами. Он скучал по Хагриду – доброму лесничему и преподавателю по уходу за магическими существами, скучал по друзьям, по квидичу, по жарким тихим летним вечерам и по шумным рождественским торжествам в тёплом большом и светлом зале, когда за окном стоял лютый мороз. Тосковал всем сердцем по долгожданным вылазкам в Хохсмит и по мгновеньям, проведёнными с друзьями в баре «Три Метлы», и даже по урокам, казавшимся тогда тяжким бременем...

Гарри вспоминал ещё много чего хорошего, казалось, далёко оставленного в своей прошлой ученической жизни...

Приближающийся день первого сентября для Гарри не поднимал ему настроение, как в прошлые годы, а только накладывал тоску и грусть тяжелым камнем на сердце. Ведь неотвратимое приближение этого дня напоминало и о неумолимом приближении начала учебного года и, значит, расставания со своей любимой дамой сердца – Джинни. И с домом Уизли. Как бы тут ему хорошо здесь ни было и как бы к нему здесь ни относились хорошо, как самому близкому и родному человеку, злоупотреблять гостеприимством и добротой Гарри не хотел. И тем более быть обузой. Он знал, как отреагируют на его уход миссис Уизли. Её реакции он боялся больше всего из семейства. Гарри знал, видел и чувствовал, что к нему относятся как неотъемлемому члену семьи. Как к брату Рона или как к любимому сыну. Это было очень приятно, но теперь это приносило Гарри и душевную боль.

Даже когда Гарри неожиданно для себя получил письмо от Хагрида, это не принесло ему ожидаемой радости, как это было бы раньше. Напротив, Гарри очень заскучал по школе вновь, захотел посидеть за чашкой чая у Хагрида в сторожке, и уснуть в своей уютной тёплой постели с пологом, в башне Гриффиндора.

«Ах, если б тот сон не прервался, Гарри бы увидел лесничего и его огромного пса Клыка...» Пергамент обмяк в руке Гарри. Он опустил голову к темному от тени листку. Письмена друга предстали перед Гарри снова, сжатые в рук, искривленные... Кривые и неаккуратные каракули Хагрида, такие узнаваемые и приятные сердцу, как никогда... Желанные и обычные, как если бы Гарри и сейчас находился в башне Гриффиндора в школе Хогвартс.

На листе пергамента неуклюжей рукой Хагрида было выведено синими чернилами:

«Здравствуй, Гарри! Как поживаешь? Надеюсь у тебя всё хорошо. Я частенько тут вспоминаю о тебе, особенно по вечерам, когда иду промочить горло в бар „Три Метлы“. Там только и разговору, что о тебе и твоих друзьях. Ты, Гарри, настоящий герой! Теперь даже и тролль из глухомани не сомневается, что ты самый сильный волшебник современности, а иные заезжие маги и вообще ставят тебя в один ряд с профессором Дамблдором. Ну ладно, не скучай. Передавай привет Рону и Гермионе. При ближайшей возможности выберусь и сам в „Нору“. Дело в том, что тут у меня делов много набралось: Фестралы жеребьями обзавелись, и я, это, помогаю им. И помни, Гарри: если что, ты всегда желанный гость в Хогвартсе. Да и Мак Гонгал так говорит. Ну, Пока! Пиши. Буду ждать твоего письма. Твой друг – и учитель – Хагрид»

Письмо еще хуже только и расстроило Гарри, напомнило то, о чем он так хотел забыть, ибо это утратил... О своем втором доме – о Хогвартсе.

Дни летели за днями, каникулы постепенно таяли, приближая с каждой минутой новый учебный год. Гарри заметил задумчивость Джинни, перерастающую в грустное отчуждение. А порой и её улыбка выражала саму грусть. Гарри и сам вспоминал о Хогвартсе, и всё чаще думал о том, что ему вот-вот предстоит найти себя в волшебном мире. Не как «избранному» или уничтожителю-победителю «того кого нельзя называть», а как обычному магу. Найти работу, что бы смочь обеспечить себя и Джинни. Он думал, не стоит ли пойти ему в Хогвартс,

поближе к ней, к Джинни. Его наверняка возьмут, хотя бы преподавателем «защиты от тёмных искусств». Никто не посмеет опровергнуть, что он, Гарри, лучший, кто разбирается в этом вопросе! Правда, Гарри не окончил академию магических искусств по данному предмету, что бы получить диплом на право преподавания. А может, стоит пойти в отдел мракоборцев? Этот отдел, конечно, представляет собой министерство магии, будет новым для Гарри, но, всё-таки, это лучше, чем другая какая-либо работа для него. Гарри каждый день, как только просыпался, мысленно писал письмо Джону Фарндору, главе отдела мракоборцев, где говорил, что с радостью хочет работать у него в отделе. И каждое утро он также думал о Джинни. Тогда ему предстоит быть вдали от неё. Быть вдали от верных и дорогих друзей Рона и Гермионы. И вообще, неплохо бы вернуться в школу Хогвартс и закончить свое магическое обучение. Заодно побыть ещё один годок беззаботным учеником, походить на уроки, поделаться кучу всевозможных домашних заданий и окунуться в череду нервных и напряжённых экзаменов, стать частью того дружественного и беззаботного от взрослых проблем мира школы, переживать со всеми приближения экзаменов, их результатов после эпического завершения и школьных заданий.

Гарри и подумать раньше не мог, что захочет снова сдавать все экзамены, по всем предметам, держать ответ по множествам урокам и делать всю эту, так ненавистную ему, домашнюю работу, такую бесполезную и нудную. И, всё-таки, это всё было частью той самой прошлой его жизни, и так хотелось вернуться в неё хоть на миг. Играть в Квидич, переживать за сборную факультета в турнирной таблице и не высыпаться из-за ранних тренировок холодным и дождливым субботним утром, отдаваться полностью тренировкам команды и бесконечным книгам в библиотеке, когда рядом есть Гермиона. Есть опора и поддержка верных друзей. Это всё сближало, давало чувство родства и единой цели. Без этого Гарри не было смысла находиться в Хогвартсе. Да, любому бы на его месте пришлось нелегко.

Когда Гермиона, Рон и Гарри собрались вместе, в комнате Рона, потому что на улице шёл дождь, Гарри спросил друзей, что они думают делать дальше, чем заняться.

– Моя мама хочет, чтоб я закончил образование. – Сказал Рон. – Честно говоря, это не по мне. Хватит и долгих шести лет моих мучений...

– Мучений, Рон? – удивилась Гермиона. – Что-то не было похоже, что ты прилагал усилия или старания.

– Вот Фреду и Джорджу – ничего. Им можно было бросить школу посреди семестра, они даже не стали сдавать экзаменов на «тритон»!

Рон смолк. На лицах его друзей появилось скорбь, при упоминании о Фреде – одном из близнецов, погибшем от рук «пожирателей смерти» всего полтора месяца назад. Глаза Гермионы повлажнели, и она опустила голову.

После некоторого молчания Гермиона сказала:

– Рон, а ты подумал, кто возьмёт тебя на работу? – Гарри показалось, что в её голосе, не смотря на скорбь, звучала вызывающие нотки, и он посмотрел на Рона. Тот не поднимая глаз, неуверенно проговорил:

– ... ну, Джордж говорил мне, что ему нужен помощник в его магазинчик приколов... я думаю, он с радостью меня возьмёт.

– Это не то! – Строго отозвалась Гермиона. Да и по погрустневшему выражению лица Рона, было ясно, что он не очень-то хочет зависеть от старшего брата.

– Я о серьёзном деле! Которое даст тебе будущее в мире магов!

Рон насутился и опустил голову вниз.

– Но если ты окончишь школу, – продолжала Гермиона, – Думаю, твоё будущее будет более солнечным!

– Как это? – Спросил Рон. Он посмотрел на Гермиону, затем на Гарри, словно проверяя его мнение. А Гермиона довольно улыбнулась – её слова возымели тот эффект, на который она явно и рассчитывала. Её план удался!

– Ты же известный друг самого Гарри! И при соответствующем начале, тебе открыты все двери! И не сомневаюсь, что и в отделе Авроров тоже!

Рон приоткрыл рот и замер. Гермиона хихикнула.

– А ты что думал, после твоих передраг – любой мракоборец тебе в ученики годиться!

Гарри недоверчиво посмотрел на Гермиону. Та подняла брови и сурово добавила:

– Нужно только завершение образования в Хогвартсе!

– А нам позволяют? – Спросил Гарри, больше ради самого Рона и заодно переглянувшись с другом. – Ведь мы бросили школу!

– Думаю, с этим проблем не будет! – Снова улыбнулась Гермиона. – Я и вы оба, бросили, скажем, оставили обучение ради борьбы с силами мрака! И профессор Мак Гонагал возьмёт нас обратно.

– Ага! – Отозвался Рон. – Интересно, как это?

– А вот так! – Сказала Гермиона. – Я написала ей, и она дала положительный ответ!

– Что-о? – В голосе Рона сквозило неподдельное сожаление. – Она... дала... согласие?

– Конечно! А кто бы сомневался!

Рон понуро вздохнул:

– Ну да, кто бы мог сомневаться...

Гарри неожиданно для себя и Рона расплылся в улыбке, хотя и попытался тут же её скрыть.

– А где Джинни? – Взбудоражено спросил Гарри. Теперь грусть, тяготившая его, и растерянность перед приближающимся первым сентябрём пали в небытие, испарились, как если бы их и не было вовсе. Гарри хотел посоветоваться с Джинни. Порадовать её этой новостью, этим маленьким сюрпризом Гермионы. Ведь Гарри и не надеялся, что профессор Мак Гонагал или кто-либо ещё, при новых порядках, позволят им вернуться в школу. Да и что школа Хогвартс, не закроется после того, что выпало на ее долю совсем недавно.

Этим днем ребята не играли в квидич – настроение было не то: напряжённое и нервное. Да и у самого Гарри вдруг грусть и безнадежная обречённость взяла верх над порывами энергии и радости. Так что он был только рад снова вернуться к теме о предстоящем действии с зельем.

После обеда Гермиона и Рон уединились за домом. Причём Гермиона тренировалась в трансфигурации, подвергая небольшой серый камешек чарами своей волшебной палочки. Раскрытый учебник лежал у ней на коленях, но она ни разу не взглянула в него. Она слушала Рона, который ей что-то рассказывал. Гарри и Джинни уселись около крыльца и безмятежно беседовали, глядя на морковные и капустные грядки. Миссис Уизли спустилась с крыльца и направилась в курятник. Живоглот выскочил из открытой ею двери и пронёсся мимо них к огороду. Он деловито понюхивал ближайшую зелень, а затем, растопырив усы, кинулся в самую гущу капусты. Через несколько секунд капустные кусты задёргались, и гномы враспынную кинулись покидать своё укрытие. Взъерошенный хвост Живоглота быстро замелькал среди зелёных стеблей и скрылся в траве в конце грядок. Джинни расхохоталась, глядя на кота. Гарри тоже возрадовался радости Джинни. Но более тяжкие мысли снова взяли верх. «Кентла»!

Перед ужином, когда солнце чуть померкло за белыми курчавыми облаками, ребята вернулись обратно в дом. Гарри заметил, что Гермиона отделилась ото всех, что было не очень похоже на неё в последнее время, и изучает, на сколько, Гарри мог понять, лунный календарь – маленький серо-белый шарик на тонкой подставке с непонятными цифрами и значками.

Гарри прошёлся мимо нее пару раз и когда в комнате никого кроме них двоих не осталось, уселся рядом за столом. Гермиона наконец, отвлеклась от своего занятия и, скинув непо-

слушные волосы со лба, посмотрела на Гарри. Гарри терпеливо молчал и ждал её ответа. Беспokoить её в такой важный момент он не хотел.

– Я рассчитала фазу луны на сегодняшнее число и сверилась ещё и по справочнику и...

– Что? – Выпалил Гарри нетерпеливо. Гермиона обернулась и оглядела комнату – вокруг никого не было.

– Сегодня именно этот момент! Я сверилась по лунному календарю. Думаю, медлить нельзя. Даже в школе Хогвартс лучшего шанса и не представиться: там будет куча учеников и преподаватели. И так, действуем...

– Так уже пора, неужели?

Гермиона очень тихо произнесла:

– Сегодня ночью... соберемся заранее. Думаю, за полчаса до момента самой даты будет достаточно с лихвой. К тому же, лучше наверняка удостовериться, что весь дом уже спит.

– Надо оповестить Джинни и Рона. – Прошептала Гермиона. – Они, конечно, тоже будут участвовать в этом.

Гарри кивнул в знак согласия.

– Если лучшего момента сегодня уже не подвернётся, – сказала Гермиона, – я оповещу Джинни. Ну, а ты – Рона.

Гарри энергично закивал. Он-то уж точно был обеими руками за план Гермионы. Теперь ему только оставалось познакомить Рона с предстоящим действием и ждать положенного часа. Джинни уведомит сама Гермиона. Хотя Гарри с большей радостью возложил это на свои плечи, но раз Гермиона сказала так, то пусть всё так и будет.

– А всё готово? – Спросил Гарри. – То есть, для приготовления зелья. У тебя имеются все компоненты? – Мысленно Гарри покорил себя, что сам не позаботился об этом.

– Да. Всё в полном порядке. Можешь не беспокоиться.

В этот момент в гостиную вошёл домовик Кикимер, а следом и миссис Уизли. Гарри и Гермиона больше не проронили ни слова по данной теме, и вообще были задумчивые и не очень охотливы к разговорам.

Накрывали на стол к ужину. В доме появился Джордж, вернулся из кривой аллеи, а потом и мистер Уизли пришёл с работы. Так что оповестить Рона и Джинни наедине не было возможности. Но зато когда ребята поднялись в свои спальни после ужина, что бы отправиться ко сну, Гарри тут же поведал Рону всё, что ему сказала Гермиона.

– Неужели? Как быстро сработано! – Рон явно был в восторге и заразился энтузиазмом Гарри.

Гарри не хотел ложиться в постель этим вечером. Да и вообще, будь его желание, он остался бы на ногах в кухне или в комнате Рона, но весь план и ситуация вокруг таинственного зелья требовала точного исполнения указаний Гермионы. Именно она и командовала сейчас всем предстоящим «ночным» делом. Гарри послушно улёгся в кровать в обычный для Норы час и погрузился в ожидание. Рон был рядом. Они тихонько и неторопливо разговаривали в полголоса, но потом Рон отзывался и отвечал всё реже и кратче, а затем и вовсе утих. Сопение и редкий храп подтвердил подозрение Гарри. Рон уснул.

Но сам Гарри не мог бы уснуть сейчас при всём своём желании. Когда дом и всё его окружение пало под бременем сонного тёмного неба, а огни уже давно погасли, все его обитатели, несомненно, спали. Кроме Гермионы и Джинни. Они готовились к этому моменту и ждали его. Гарри пытался представить как сейчас Джинни и Гермиона у себя в комнате сидят в полной темноте, а может и при свете волшебных палочек и шепотом переговариваются между собой. Как Гермиона в который раз перепроверяет разложенные и приготовленные на тумбе пузырьки. Сейчас он хотел оказаться там, в спальне девочек рядом с Джинни. Тогда было бы не так мучительно ждать одному и провести эти несколько бесконечных часов в более оживлённой компании. Может, стоит выйти из комнаты и спуститься в спальню девочек? Но по плану

полагалось ждать, когда Гермиона сама позовёт Гарри и Рона. Тихий стук в дверь, едва осязаемый для уха, когда Гарри начало казаться, что сон уже предстал перед его глазами и кружит перед ним в туманных и шумных образах, взбудоражил Гарри. Он привстал в постели. Стук спустя несколько секунд повторился. Гарри, одетый, выскочил из-под одеяла и приотворил медленно дверь. Гермиона с зажженной палочкой в руке заглянула вовнутрь комнаты, затем на цыпочках проскочила мимо Гарри и прикрыла за собой дверь. На её плече висела расшитая бисером сумочка. Гарри указал на неё и спросил:

– Всё там, да? – Хотя ответ Гарри знал уже и так. Гермиона наложила на эту сумочку заклинания невидимого расширения, поэтому сомнения куда Гермиона упрятала свой школьный котелок и с полдюжины банок и свертков сомнения не вызывало. Гермиона только что и кивнула в ответ.

– Идёмте... – Одними губами проговорила она. Гарри тоже кивнул и кинулся к Рону. Впрочем, растолкать того оказалось проще, чем он ожидал. Сон Рона был хрупок и насторожен, а пробуждение быстрым и беспокойным, как если б он случайно пал жертвой сновидений. На ощупь в полной темноте ребята спустились вниз. Дверь, ведущая на задний двор, была приоткрыта.

Гарри тронул Рона и легонько потянул его к двери. На цыпочках проскользнув мимо двери, ведущей к спящему Кикимеру, ребята выскользнули на улицу. Проскочили за старый сарай и остановились. Одним слабым светом магического огня под котлом, который вот-вот зажжёт Гермиона, нельзя было обойтись. «Люмос»! Гермиона, Рон и Гарри запалили свои волшебные палочки. Ещё один из зелёных огоньков-искорок, возвестил бесшумное появление Джинни из темноты. Джинни уже была здесь. Она, похоже, ждала их. Гарри сдержанно улыбнулся ей. Она ответила так же улыбкой и кивнула в сторону стола, над которым уже склонилась Гермиона.

Гермиона принялась доставать из своей сумочки предметы, необходимые для зелья. Кроме котелка с подставкой на столе появилось пара книг, в том числе и «та самая», множество склянок, маленьких и по больше, бумажные свёртки и карманный «вредноскоп». Видимо, с его помощью Гермиона хотела узнать заранее, если что пойдёт не так или быть подвергнутой риску разоблачённой. Гарри с интересом оглядел все эти предметы при свете своей палочки и одобрительно сказал:

– Ты на славу подготовилась. Ты просто молодец, Гермиона!

Рон закивал:

– Точно!

Гермиона сдержанно улыбнулась.

– Да ничего особенного. – Ответила она. Рон порылся в кармане и достал небольшую свечу.

– Вот, Гермиона, магическая свеча. Света даёт как с дюжину и фитиль почти не стораёт! «Надолго заменит магловскую лампу»! – Прорекларировал Рон надпись с этикетке.

– Спасибо, Рон, но боюсь, что нам придётся обойтись светом только от наших волшебных палочек. Если свет будет достаточно ярким – нас могут заметить.

Рон смущённо повертел свечу в руке, словно не зная, что с ней теперь делать, и так и остался стоять – в одной руке зажженная волшебная палочка, а в другой – волшебная свечка. Но вскоре он убрал свою палочку обратно в карман. Гарри даже показалось, что Рон перепутал палочку со свечой.

– Как скажешь. – Тихо сказал сам себе удрученный Рон и посмотрел на Гарри. Тот промолчал в ответ.

Гермиона тем временем развела небольшой огонь прямо на деревянном столе. Тот самый, который могла делать только она – синей и тёплый, не обжигающий, но жаркий, чтобы вскипятить на нём воду в котле. Маленьком столике на заднем дворе за сараем Рон и Гарри чуть

заблаговременно ещё вечером поправили заклинанием «Репаро». Теперь он был «как новый», по словам Рона.

Когда пузырьки с ингредиентами и остальные склянки были расставлены на своих местах, а книги раскрыты на нужных страницах, содержание которых Гермione было несомненно известно, Гермione извлекла из бумажного пакета несколько стеблей и пару бутонов и аккуратно положила их перед котлом на столе. Рон, Гарри и Джинни внимательно следили за её действиями.

– Мы одним разом проверим оба этих растений. – Объяснила Гермione. Рон спросил полусёпотом у Гермione, как если б эти части растений могли его услышать:

– А они не нападут на тебя, Гермione? То есть... Они не опасны?

– Конечно же, нет! Сказала Гермione возмутительным тоном, но уголки её рта слегка поднялись. – Будем надеяться на это!

Рон и сам уже расплылся в довольной ухмылке и посмотрел на Гарри. Но Гарри предостерегающе поднял руку, призывая не шуметь друга, и смотрел назад, к дому, укрытому за стенами сарая. Рон зашарил в кармане, ища свою волшебную палочку, увидев, как Гарри готовил свою. В воздухе отчетливо слышался приближающийся мерный топот аккуратной поступи шагов. Джинни посмотрела на «вредноскоп». Он лежал спокойно. Палочка Джинни потухла, и её силуэт еле угадывался при слабых всполохах волшебного огня. Ещё напряжённое мгновение и...

Перед самым носом Гарри появился маленькая и низенькая фигура Кикимера. В свете огня Гермione было только едва уловимо видно, как тот замер, увидев своего хозяина Гарри, прижал сморщенные ушки и чуть присел. В его больших глазах дрожали лепестки пламени, походившие на наворачивающиеся слёзы. Суровый, напряженный вид Гарри и Рона, смотревших на него с палочками направленными на него, заставили его сделать шаг назад и... Сжав руки у груди, Кикимер проговорил почти шёпотом:

– Прошу прощения, господин Гарри! Я... я не хотел. Кикимер не знал, что это его хозяин. Кикимер не хотел Вас потревожить и...

Глаза домового эльфа медленно моргнули и оглядели всё действие. Если до этого момента он и не видел стола со склянками и с котлом, то теперь уже было поздно. Любопытно бы на его месте понял, что здесь происходит что-то не совсем обыденное. Кикимер неосознанно даже немного привстал на носочки, что бы получше рассмотреть, что тут затевается.

– Тихо! – Шикнул на эльфа Рон.

– Приказываю тебе никому ничего не говорить об том, что ты тут видел и отправляться немедленно в постель! – Скомандовал Гарри, взяв Кикимера за плечо. – Ты понял меня, Кикимер?

Домовой эльф быстро закивал головой и затем осторожно залепетал, стараясь сделать это как можно тише:

– Кикимер всё исполнит, хозяин Гарри. Кикимер только и увидел отблески огня в окне, когда проходил по лестнице на втором этаже. Кикимер испугался и решил проверить, что происходит. Кикимер не знал, что здесь хозяин Гарри и его друзья: молодой Уизли и его магловка Гермione... и... и...

Гарри чуть вздёрнул его, и оглянулся на Гермione: не отвлеклась ли она на столь долгое изречение эльфа. Гарри не был уверен, слышала ли Гермione приход Кикимера или небольшой шум, который они тут все учинили за её спиной, но все его подозрения отвергла сама Гермione. Гарри не хотел, что бы при таком важном моменте варки зелья та отвлекалась. Кикимер буркнул что-то себе под нос.

– Я знала, что иногда Кикимер ходит по дому ночью, но в этом нет ничего плохого. Ведь он охраняет наш покой. Но, честно говоря, я не думала, что этой ночью он снова будет бодрствовать. Надеюсь, Кикимер, ты сохранишь нашу маленькую тайну? – Гермione улыбнулась

суровому и старому эльфу и вернулась к своему котлу. После тихого шелеста страниц книги, Гермiona звякнула маленькой склянкой и низко склонилась над столом.

Затем Гермiona начала медленно и даже аккуратно помешивать варево по часовой стрелке. Густые клубы пара взвились на котелке и наполнили свежий ночной воздух запахом этого нового зелья. Рон сморщил нос и посмотрел на Гарри. Тот вспомнил, что на уроках им приходилось работать и с более зловонными материалами, и сделал вид, что это его ничуть не волнует. Да так оно и было.

А при запахе, расходившимся в воздухе от котла, даже Кикимер поворотил нос. Гарри посмотрел на эльфа и выпустил его плечо из своей хватки. Кикимер помахав ушками, словно радуясь свободе, залепетал скребущим шёпотом:

– Кикимер будет молчать, Кикимер будет нем как «речной осьминог», как «болотный водоросль», как... – Кикимер сделал несколько шагов назад и растаял в темноте.

– Ну вот, теперь будет до самого дома ворчать, как он будет держать язык за зубами! – Развёл руками Гарри.

– Опять ходит по ночам. – Прошептал на ухо Гарри Рон. – Никак не оставит эту свою привычку. Он в доме Сириуса шатался каждую ночь по комнатам!

– Я не знал. – Только и ответил Гарри. – То есть, я не думал, что он всё ещё бродит, когда все спят даже здесь.

– Конечно бродит, и ты сам прикинь... – Отозвался Рон, хотя сам похоже и узнал эту новость только что вместе с Гарри. – Подумай: почему бы и нет, ведь он делал это ранее постоянно!

Гарри и Рон одновременно повернулись к тому месту, где явился перед ними домовый эльф. Но Кикимер уже успел скрыться, да и не его это дело, хотя, надо ожидать, действие должно было быть захватывающим, если знать о «легенде». Гарри уже вновь вернулся мыслями к происходящему рядом действию или «замыслу». Это было на первом плане. В любой момент могло произойти «не весть что»! И Гарри немного растерялся: что сможет сделать он своей палочкой, если откроется временной портал или сдвиг пространства и времени, или ещё мало ли чего? Да и как определить, что может явиться перед ним и Гермियोной. Может это будет как «маховик времени»? Но она, скорее всего, узнает, что должно произойдёт. Гарри очень хотелось так думать. И он очень надеялся на неё. Суровый вид Рона говорил, что и его мучают такие же нелёгкие мысли.

Гарри непроизвольно приблизился к Гермione. Она высыпала щепотку порошка из баночки в густые клубы, и половник начал помешивать варево. Огонь под котлом вздрогнул и зашипел, поглощая стекающие пузыри по краям. Аромат и пар из котла пахнули в лицо Гарри, но тут же разнёсся дальше. В горле запершило. Гарри кашлянул и внимательно посмотрел на котёл, перед которым работала Гермiona. Но и в глазах тоже зашипало. Гарри на мгновение зажмурил глаза. Ветер громко зашелестел в высокой траве и, Гарри даже расслышал как гнуться под его порывом гибкие ветви яблонь и груш. Порыв пронёсся волной и ударил в лицо Гарри новой волной. Тут же пахнуло свежей и холодной прохладой ночного воздуха. Это произошло всё так быстро, что сердце Гарри, чуть замерев, сделало всего один удар в груди Гарри и, затем замерло на долю секунды, как если б время вокруг сделало неощутимую паузы, но чувствительную для Гарри. Он дрогнул и поднёс руку к груди. Глубокий вздох, в глазах чуть просветлело, и Гарри открыл, наконец, глаза и снова зажмурил. Образ магического огня под котлом вздрогнул и силуэт Гермiony тоже, словно от этого же порыва ветра, и пропал вместе с окружающей Гарри тьмой. Гарри шатнуло. Перед глазами Гарри в последний раз проплыл слабый свет огня и мелкие блики склянок. Словно мутная пелена накрыла всё вокруг. Гарри моргнул и попытался опереться рукой о стенку сарая и...

Открыв глаза, увидел, что находится на заднем дворе за старым сараем около покосившегося деревянного стола абсолютно один. Нет ни Рона, Ни Гермiony, ни Джинни, ни даже котла

и ни единой склянки или раскрытой на определённых главах и страницах книг. И вообще, всё это Гарри увидел так ясно потому, что было довольно светло! День. Солнце стояло высоко над домом и, по всему было видно, что уже миновал полдень. Гарри так и ахнул от удивления. «Что произошло?» Конечно, Гарри ожидал, что зелье может подействовать подобным образом, но думал, что его друзья окажутся рядом. Да и вообще, почему он на том же месте, на заднем дворе Уизли, и почему сейчас день?

Гарри засомневался: толи он перенёлся вперёд во времени, толи назад, а может вообще, у него временно стёрлась память, и теперь он не может вспомнить, чем закончился опыт Гермионы и пришёл сюда. Но чувствовал себя Гарри нормально, чуть сказывалась усталость, как после тяжёлого утомительного дня. А в остальном – всё как обычно. Гарри поспешно направился к задней двери дома. Потом передумал. В этот час он, По-обыкновению, играл в квидич с друзьями: С Роном, Джинни и Гермионой. Гарри направился мимо задней двери, обходить дом к тому месту, с которого открывался вид на поляну и магически созданные кольца для игры. Когда до его слуха донёлся шум нескольких радостных голосов и что-то ещё, наподобие музыки, Гарри насторожился. Задумался: откуда и почему взялась это музыка. Что за праздник? И какой это вообще день?

Гарри вышел к крыльцу дома и замер. На лужайке был разбит шатёр. Аппетитные запахи из открытого окна кухни напомнили ему что-то. Отдаленные и знакомые голоса раздавались внутри шатра, были чуть приглушённые. Гарри узнал голос Джорджа и миссис Уизли. А вот мелодия стала звучать громче и доносилась она из открытого окна дома! Неожиданно отвари-лась и дверь позади прямо из дома... Гарри прыгнул за угол и прислушался. Кто-то спускался с крыльца. Гарри быстро огляделся: успеет ли он укрыться до того, как этот кто-то повернёт к нему? Шаги направились по тропинке и стали удаляться – некто шёл к шатру.

«Мой день рождения»? – Подумал Гарри и стал аккуратно красться вдоль дома назад, подальше от шумного веселья. Это вышло само собой. Бояться в доме Уизлей было нечего, но что-то внутри Гарри подсказало ему: «Нельзя, что бы тебя увидели!» Гарри помнил главное правило пользования «маховиком времени»: никто не должен тебя видеть, а все поступки, даже самые безобидные и незначительные, могут вылиться в неисправимые последствия в настоящем, то есть в последующем.

Гарри успешно, никем не замеченным, добрался до заднего двора и хотел уже укрыться в саду, как задумался. Сад, конечно, безопасное место и никто его там не найдёт, да и укрыться в случае приближения кого-то, можно очень просто в ближайшем лесу, но... Из сада Гарри не сможет наблюдать, что происходит! А вдруг, именно это он и должен сделать. Может, именно этот момент окажется очень важным после, по неведомым его причинам. Гарри припомнил, что весь день провёл на улице, перед домом, а значит, комната Рона – удобное место. Из окна можно смотреть на шатёр и на огород, а если достать «мантию-невидимку», можно отважиться и на более рискованный поступок: прокрасться поближе к шатру и даже проникнуть вовнутрь него!

План был составлен очень быстро, да и по-другому как себя повести, Гарри не знал. Он подошёл к задней двери и прислушался. Ни звука не доносилось из-за двери. Тогда Гарри аккуратно и медленно отворил маленькую щелку и прильнул к ней глазом. Полу мрачный коридор был пуст. В гостиной тоже никого не было видно. Гарри открыл дверь шире и проскочил во внутрь. Он крадучись шел к гостиной. Оттуда он проскочит на лестницу, ведущую в комнату Рона. Сейчас все на празднике, но Гарри соблюдал осторожность. Кто-то мог находиться в гостиной или в кухне или встретиться на лестнице. Но самое опасное было бы, если входная дверь откроется, и его увидят, пока он будет пересекать комнату к этой самой лестнице. Гарри заглянул в гостиную – никого. Попытался расслышать – звенит ли кто-либо посудой на кухне, но из-за музыки играемой волшебной арфой это было довольно тяжело. И что самое плохое, нельзя было расслышать даже шаги. Гарри медлил, выглядывая на лестницу, веду-

щую наверх, и на приоткрытую дверь кухни. Долго так продолжать не могло, и Гарри крадучись поспешил к ступенькам. Миновал приоткрытую дверь в кухню – музыка стала громче, и теперь Гарри различил голоса, доносящиеся через открытое окно – лестница была пуста, и сразу же поспешил наверх. Ещё один пролёт и осторожно приоткрыл дверь и заглянул в комнату Рона. Здесь никого не было. Пусто. Да и не могло быть – ведь сейчас все внизу в шатре на праздничном обеде. И Рон само собой в том числе. Гарри прошмыгнул в комнату, затворил за собой дверь и быстро подошёл к окну. Расслышать что-либо с улицы было сложнее, поэтому Гарри настежь открыл окно и встал у края, пытаясь быть не видимым снаружи и в то же время наблюдать за шатром и слышать, что происходит внизу. После ряда неразборчивых отголосков, Гарри прильнул ещё ближе и даже высунулся на секунду из окна. Этот наблюдательный пункт теперь показался Гарри не таким уж и удобным. Да, это место безопасное, но смотреть просто на шатёр – занятие не только скучное, сколько и безнадёжное. Тогда Гарри решил действовать по-другому. Быстро подойдя к кровати и вытащив из-под неё свой чемодан, Гарри извлёк из него «мантию-невидимку». Как только Гарри накинул её на себя, дверь в комнату тут же распахнулась, и появился Рон. Гарри так и передёрнулся от неожиданности. Может, он увидел Гарри и последовал за ним? Но сейчас в мантии-невидимке Рон не мог видеть Гарри. Рон торопливо кинулся к своей кровати. Замер у неё как будто в нерешительности. Гарри сделал шаг назад и прильнул к стене. Рон подошёл к столу, извлёк из кармана своих брюк сложенный и помятый лист пергамента. На мгновение замер и оглянулся на не затворенную дверь. Затем быстро убрал его в выдвижной ящик своей тумбочки и сел за стол. Перо заскрипело по бумаге. Рон что-то писал. Тогда до Гарри дошло, что Рон сюда пришёл сам по себе, записать что-то. Но момент промедления Гарри был бы непоправим. Гарри возрадовался своей удаче. Записка была короткой. Рон встал из-за стола и посмотрел на шкаф. Гарри только сейчас увидел, что всё это время в комнате был Сычик. В своей полудрёме, он всё время наблюдал за Гарри, а теперь смотрел на своего хозяина Рона. Белоклювы и её клетки не было. Гарри припомнил, что ему её только в этот день подарили и сейчас, она, скорее всего, находится рядом с «первым Гарри» внизу или летает должно быть над домом.

– Ну, давай. – Прощептал заговорчески Рон, протягивая руку и снимая сову со своего насеста. – Доставь это «сам знаешь кому».

Рон привязал пергамент к лапке Сычика и направился к окну. По пути он пнул открытый чемодан Гарри под кровать. Комната была довольно тесной, и чемодан мешался на его пути. Гарри так и замер от неожиданности. А Рон ничего не заподозрив, выглянул из окна и огляделся. Всё было спокойно. Тогда он выпустил Сычика из рук, и маленькая сова, вспорхнув в небо, исчезла из видимости Гарри. Рон ещё раз высунулся из окна. Посмотрел вниз, потом на удалявшего «почтальона» и поспешил выйти из комнаты. Дверь он так и оставил открытой. С лестницы донеслись его быстрые удаляющиеся шаги.

Гарри так и стоял в нерешительности, а затем, спустя минуту, двинулся к выходу из комнаты. Прошёл на лестницу – Рона уже и след простыл – и начал спускаться вниз. И чем дальше спускался Гарри, тем темнее становилось окружение. И наконец, Гарри очутился в полной тьме и тишине. Звуки музыки и гомон магов на празднике тут же утихли. «Что произошло? Уж не перуанский порошок мгновенной тьмы тому виной?» По памяти, на ощупь Гарри направился к двери и выбрался на двор перед крыльцом. Тут тоже было темно. И вообще кругом царилась ночь. Ещё несколько шагов и в белёсом свете луны Гарри увидел... Точнее сказать, не увидел шатёр. Ещё две минуты назад он был перед домом на поляне, а теперь поляна была пуста. Гарри вздрогнул: сзади за самой его спиной он услышал шум. Гарри обернулся, но в темноте дома ничего разобрать было нельзя. Скрип и возня растаяли в ночной тишине так же быстро, как и раздались. Это был мимолётный едва заметный шорох! Гарри напряжённо слушал и обдумывал, что с ним происходит и почему? Никаких звуков из дома Гарри больше не услышал. Где-то у огорода в траве трещал кузнечик. Едва уловимым шелестом ветер играл

в далёких деревьях. Ни единой души вокруг не было. Гарри снова посмотрел на небо, на полную луну. «Полнолуние!» Гарри поспешил обойти дом. Он направился к сараю на заднем дворе, в надежде найти там Джинни, Рона и Гермиону. Удивлённых взволнованных, как и сам Гарри, и напуганных его исчезновением. Гарри широкими шагами повернул за сарай к столу и остановился. Здесь тоже было пусто, никого и тут. Сквозь прозрачную пелену «мантии-невидимки» было сложно всматриваться на силуэт стола и громадину сарая. Гарри поспешно стянул ее и запалил волшебный огонёк на кончике своей палочки. Зелёный свет дрогнул. Гарри выставил огонёк перед собой и сделал несколько шагов к столу. За сараем было пусто, а вот на самом столе виднелись явные следы недавнего присутствия его друзей. Пара пустых склянок остались стоять покинутые в одиночестве на столе, кусочек грубой обёрточной бумаги покачивался на краю стола. Она перевернулась и, повинувшись новому порыву ветра, слетела в темноту. А посередине стола, на том месте, где стоял когда-то котёл, виднелось несколько пятен от пролитого варева. Гарри прошёлся вокруг стола, пытаясь ещё что-то разглядеть на земле и путаясь в мыслях и предположениях. Если его друзей постигла та же участь, что и его минуту назад, тогда, куда делся котёл, и книги, и вредноскоп? Почему друзья не ищут его? И сколько времени прошло с того момента, когда Гарри оказался на своём дне рождения? На эти вопросы ответить с уверенностью было довольно сложно, но, немного подумав, на вопрос, где теперь Рон, Гарри был уверен: ответ на это он знает!

Скрутив «мантию-невидимку» в неряшливый ком, Гарри аккуратно подошёл к задней двери. Она была не заперта. Погасил огонь палочки, Гарри проскользнул в дом, притворил тихонько за собой дверь и направился по коридору к неясному и слабому свету, бледневшим во тьме из-за шторы в окне гостиной. Гарри достаточно хорошо знал расположение дома и, не наделав лишнего шума, поднялся к комнате Рона. У самой двери он замер. Что там за ней? Говор голосов доносился из-за двери. Значит, там точно кто-то есть и Рон уж не спит! Гарри отворил дверь. В комнате были Рон, Джинни и Гермиона. Они испугано смотрели на Гарри. В их руках были зажженные волшебные палочки. Друзья были изумлены таким внезапным появлением Гарри, но вздох облегчения сорвался с губ Гермионы, а Рон подскочил к Гарри и спросил:

– Где ты был? Мы тебя потеряли! Представляешь, с этим зельем что-то неладное!

Гарри, видя улыбки на лицах друзей, тоже улыбнулся, хотя чувство облегченности от найденных друзей в полном порядке еще тяготилось противоборствующим чувством беспокойства, и вошёл смело в комнату.

– Я точно не знаю, что было со мной, но это было неуправляемым и как сон, но наяву! Словно, взаправду, все было!

Рон поднял вопросительно брови. Джинни не спускала с Гарри взволнованных глаз.

– Что произошло с тобой, Гарри? – Спросила Джинни. – Ты словно отошел в темень или растворился в воздухе!

Гарри тут же всё рассказал друзьям, опустив из своего повествования пункт, в котором говорилось, что Рон написал кому-то письмо.

– И потом ты снова оказался ночью? – Переспросил Рон, после того как Гарри закончил свой не такой уж и короткий рассказ. – Как ни в чём не бывало?

– Это был будто временной скачок! В этом нет сомнения, то есть я это подозреваю. – Сказал уверенно Гарри. – Разве не так? На что это еще может быть похоже? А сколько минут я отсутствовал?

– Минут десять, не больше. – Сказала Джинни.

Если то, что и произошло с Гарри, и было перемещением во времени, то таким коротким и быстротечным и, судя по всему, на не очень удалённый срок назад, верно? А по преданию в книге отвар из Кентлы обладал более сильной магией и был намного сильнее простого «маховика времени». Если это и было что-то от проявления силы Кентлы, то её не хватило на боль-

шее, чем вернуть Гарри на его день рождения. Почему? Это был главный вопрос, мучавший Гарри сейчас. И он очень надеялся, что Гермиона сможет ответить на него или пролить хоть лучик света. Но вместо этого Гермиона запричитала себе под нос:

– И как это я так самонадеянно решила, что всё получится? Как я могла подумать и... Я слишком самоуверенна! Всё могло закончиться и более плачевно.

Гарри чуть задумался, как будто что-то припоминая, а потом спросил:

– А у вас как всё прошло, Гермиона?

– Ничего не получилось. – Ответил Рон, как ни в чём не бывало, как если б речь шла о невыполненном уроке или прочей нелепости. – То есть как мы ожидали.

– Как? – Изумился Гарри. – Разве это не «правильное» зелье? То есть, не вы сделали то, что произошло со мной?

Рон посмотрел на Гермиону, затем на Джинни, но по одному его виду, Гарри стало ясно, что он не знает, о чём говорит Гарри. Джинни замотала головой и Гермиона тоже.

– Как? Зелье было почти готово, разве не так? И потом вы, наверное, довершили его, э-э... ну, заклинанием?

– Нет. – Отозвалась Джинни.

– Но я без сомнения перенёсся во времени назад, а затем вернулся, сам не зная того как!

Гермиона понуро сказала:

– Это очень плохо. Такого быть не должно.

Рон взбудоражено воскликнул:

– Что ж здесь плохого? Почти сработало. Не хватило самую малость. Ведь так? Значит, что-то было не совсем как полагается. – Гермиона строго воззрилась на Рона, верный признак, что она не разделяя его слова. Да кому как не Рону было лучше знать, что своё даже самое обыденное зелье, она перепроверяет по несколько раз, сверяясь с рецептом в книге и количеством ингредиентов, необходимых для его приготовления.

– Например, собранные листья! – Тут же добавил Рон, пытаясь исправить свой промах.

Гермиона ничего не ответила.

– Надо прекратить подобного рода эксперименты! – Отозвалась Джинни. Рон и Гарри удивлённо воззрились на неё.

– Это почему ещё?

– Пока мы точно не будем знать и уверены, что это то, что нужно и что «оно» собрано «как надо»! Ведь Гарри, да и все мы, очень необдуманно рисковали. Кто знает, куда и как могло любого из нас забросить?

Гермиона серьёзная и задумчивая над новой проблеме закивала в знак согласия:

– Да, Джинни абсолютно права. Не стоит использовать «такую» магию. Древнюю. И... зелья могут давать разные магические эффекты, «вести себя» по-разному, если в них заменить, хотя бы один составляющий компонент. Он может, как отравить, так и очистить его эффект! Мы более не должны так опрометчиво пробовать различные сборы волшебных цветов, пока не убедимся, что это нам так не обходимо. Что это и есть «она»... Я во всём виновата! – И Гермиона закрыло лицо руками. Гарри был уверен, что из её глаз текут слёзы. Да и голос её дрогнул в последний момент. Сказалось нервное напряжение тяжёлого и длинного дня, да и горечь разочарования. А может, это были и слезы облегчения, что Гарри «нашелся».

– Ты не виновата! – Угрюмо, но стараясь, что бы голос его звучал все же веселее, сказал Рон и обнял Гермиону за плечи. – Да и стоит расстраиваться из-за маленькой неудачи, когда «всё» почти получилось. Да и никто не пострадал.

Гермиона подняла взгляд на Рона и слабо улыбнулась ему. После минутного молчания Джинни сказала то, что уже мучило мысли Гарри:

– Почему только Гарри подвергся действию чар зелья? Ведь мы все были там! Да и каким образом оно могло таким образом подействовать? – Голос её был серьёзен, как и сама сущность вопроса. Это и, правда, было очень необычно.

– Мне показалось... – Начала медленно говорить Гермиона, припоминая что-то, – в один момент, когда я помешивала зелье, что меня словно ослепило меня, как будто лучи яркого солнца. Но длился этот момент очень недолго. Я зажмурилась. Затем всё было, как и раньше, как до этого. И я решила, что какая-нибудь искра или соринка принесённая ветром вспыхнула, попав в огонь. Вот и всё. Но... если подумать, что это было действием зелья?

– Но как это вообще могло произойти? Ведь Гарри не пил его! – Воскликнул Рон. – Да и ты тоже!

– Тсс! – Произнесла Джинни, поднимая руку и привставая со своего места. Она смотрела на дверь и прислушивалась. Тут же наступила тишина, а затем из-за двери донеслись едва различимые аккуратные шаги. Кто-то поднимался по лестнице. Гарри отчётливо их услышал, и этот кто-то был уже почти у самой двери.

«Кикимер? А может и миссис Уизли? Они могли разбудить кого-нибудь, ведь в пылу обсуждения происшествия с Гарри, Гарри говорил довольно громко».

Ребята быстро переглянулись. Свет волшебной палочки потух. Рон быстро начал зарываться в одеяло на своей постели. Гарри прыгнул как можно тише на свою, и в полной темноте и неразберихе, поспешил натянуть одеяло до самого подбородка. За шелестом одеяла Гарри уже не мог слышать, что «делают» шаги, насколько они стали ближе к комнате. Гермиона сначала кинулась к шкафу, но в последний момент пригнулась у кровати Рона. С Гарри стянули одеяло на фут или два. Это Джинни прижалась на полу около постели Гарри, скрываясь за ней, и накрыла себя, что бы укрыться от поверхностного обыска.

Несколько секунд хауса, и в комнате тут же воцарилась тишина. Гарри прислушался, но только сердце билось у него в груди очень слинно и дыхание было тяжелым. Он не мог слышать, что делает осторожный гость за дверью и само собой биения сердец своих друзей, но знал, что у них оно тоже бьётся сильно.

Еще небольшая пауза. Гарри удалось все-таки привести свое дыхание в норму. За дверью была тишина. «Ну, если это опять Кикимер?» – разозлился Гарри. И...

Вдруг дверь легонько скрипнула – кто-то толкнул её – и она бесшумно отворилась. На пороге стояла миссис Уизли в своём домашнем халате, застёгнутом всего на пару пуговиц и чуть растрёпанными волосами. В руке у неё «горела» волшебная палочка. Черты лица миссис Уизли были напряжённые и, как показалось Гарри, скорее задумчивые, чем строгие. Он прикрыл свои глаза еще немного плотнее. Миссис Уизли сделала шаг в комнату и подняла огонёк палочки повыше, что бы лучше разглядеть обстановку. Гарри полностью закрыл глаза. Нельзя было выдать себя, нельзя допустить, что бы миссис Уизли заметила, что он не спит. Последовало ещё несколько длинных секунд, и затем тихий короткий скрип и глухой стук возвестили, что дверь закрылась. Затем за дверью раздались удаляющиеся шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.